

А. В. Ганин

Генштабисты и Февральская революция

Февральская революция произошла в разгар Первой мировой войны и была бы невозможна без поддержки и пассивного наблюдения со стороны армии. И если нижние чины выступили в качестве движущей силы революционных событий в Петрограде, то ключевое решение об отречении императора Николая II от престола принималось вне сферы их прямого воздействия, но под давлением армейского руководства. Исключительную роль в падении российской монархии в Ставке, фронтовых штабах и Петрограде сыграл Генеральный штаб. И хотя недостатка в исследованиях самой революции не наблюдается, роль корпорации генштабистов в этот переломный момент отечественной истории до сих пор специально не исследовалась, и акцент на роли генштабистов в событиях конца 1916 – начала 1917 г. не делался. Между тем привлечение неизвестных архивных документов наряду со сравнительным анализом широкого массива опубликованных источников позволяет реконструировать целостную картину участия кадров Генштаба в смене власти в стране в феврале – марте 1917 г.

Императора Николая II, по многочисленным свидетельствам лично знавших его современников, трудно было отнести к интеллектуалам или волевым, сильным и последовательным правителям¹. Подобный багаж верховного вождя русской армии в военное время неизбежно вступал в противоречие с набиравшей обороты профессионализацией военного дела и с интеллектуальной частью офицерского корпуса в лице наиболее развитых представителей Генерального штаба. В том числе в силу этих причин выпускники Императорской Николаевской военной академии сыграли такую заметную роль в февральско-мартовской смене власти.

Одним из базовых принципов устройства корпуса офицеров Генерального штаба считалось единство доктрины, то есть взглядов на специальные военные вопросы, тактику и стратегию, единство работы штабов². Этот принцип был необходим для того, чтобы в любых сложных ситуациях на войне даже незнако-

---

¹ Юдин Е.Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 99–132.

² См., напр.: Головин Н. Н. Служба Генерального штаба. СПб., 1912. Вып. 1. С. 44.

мые друг с другом офицеры разных штабов, разделенные сотнями километров, могли бы независимо друг от друга вырабатывать взаимоприемлемые планы действий, которые бы приводили к успеху. В этих целях генштабисты получали одинаковую подготовку, проходили схожий служебный путь и, как следствие, обладали схожим корпоративным мировоззрением. В условиях политического кризиса 1916–1917 гг. подобное корпоративное единство взглядов приобрело черты политической программы наиболее активной части Генштаба.

Несмотря на то, что кадровые офицеры в массе своей традиционно находились вне политики, к 1916–1917 гг. в военно-политической элите страны накопилось серьезное недовольство неспособным эффективно управлять воюющей державой императором и его окружением. Империя с трудом справлялась с напряжением, вызванным войной, тыл разъедали острейшие проблемы, которые практически невозможно было решить в рамках устоявшейся системы управления. Императорская семья стала объектом дискредитирующих слухов, которым верили даже представители военного руководства страны. «Распутинщина» лишь усугубила циркулировавшие слухи. В силу политической наивности офицерства и традиционной чувствительности фронта к любым, даже косвенным, проявлениям неустойчивости тыла (тем более, к слухам о прямой измене в высших эшелонах власти), все, даже самые нелепые слухи, воспринимались офицерством (в том числе высшим генералитетом) очень болезненно и с огромной тревогой. Солидарное неприятие сложившейся при дворе обстановки демонстрируют представители самых разных по своему должностному положению и политическим взглядам групп генштабистов.

В армии вследствие насаждавшейся самой властью атмосферы шпионмании получили широчайшее распространение слухи о том, что императрица Александра Федоровна являлась германской шпионкой. Слухам об этом был склонен придавать значение генерал В. И. Селивачев³. Генерал С. Г. Лукирский отмечал впоследствии, что «накануне революции февральской 1917 года в среде офицеров Генерального штаба старой армии определенно сложилось недовольство монархическим строем: крайняя неудачливость войны; экономический развал страны; внутренние волнения; призыв на высшие посты в

---

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 50об.–51. Оpubл. в: Из дневника ген. В.И. Селивачева / публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 108, 110–111; Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 114.

государственном аппарате лиц явно несостоятельных, не заслуживающих общественного доверия; наконец, крайне возмутительное подпадание царя под влияние проходимца (Григ. Распутина) и разрастание интриг при дворе и в высших государственных сферах. Поэтому февральская революция была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства вообще»⁴. Аналогичные чувства испытывал и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А. А. Брусилов (не генштабист)⁵.

Генерал Г. Е. Янушевский – однокашник генерала М. В. Алексеева по академии – вспоминал их доверительный разговор в первой половине февраля 1916 г.: «Тут произошел между нами разговор, которого я никогда не забуду. Почти без предисловия А. взволнованным голосом задал мне такой вопрос: "От меня требуют, чтобы я переговорил с государем относительно царицы и Распутина. Что ты скажешь на это?" Как ни был я озадачен такой неожиданностью, но тотчас же ответил: "Я не верю этой гнусной сплетне. Это подлая клевета!"

– "А все же?"

– "Я никогда не сделал бы этого. Подумай только, что бы ты сказал тому, кто осмелился бы обратиться к тебе с подобным относительно твоей жены. А ведь это не генеральская жена, а русская царица, на которую устремлены глаза всего мира: жена цезаря должна быть вне всякого упрека!"

А-в обнял меня и произнес: "Ты прав!"»⁶.

Своему сподвижнику генералу А. И. Деникину Алексеев весной 1917 г. рассказывал: «При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах – для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею»⁷.

В неопубликованных «Заметках, дополнениях и разъяснениях к "Очеркам Русской Смуты"» Деникин написал об этом эпизоде подробнее: «В письмах императрицы есть указание, что она вскрыла пакет, отправленный из Ставки, в котором была карта фронта, в отсутствие государя. Было это, кажется в последние дни. Про этот ли случай говорил Алексеев или про

---

⁴ Цит. по: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 44.

⁵ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 200.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 329. Л. 34об.

⁷ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 115.

другой – не знаю. Но слышал я от него про это дважды: в Могилеве – один, и в станице Мечетинской, во время встречи дроздовцев – за завтраком у меня в большом обществе. Видимо, этому эпизоду он придавал значение»⁸. И хотя разбор бумаг императрицы, очевидно, производился после революции, высказывание Алексеева свидетельствует о его отношении к влиянию Александры Федоровны на государственные дела и до февраля – марта 1917 г. Подтверждают это и решительно пресеченные Алексеевым попытки императрицы привезти в Ставку Распутина.

Подполковник (впоследствии – генерал) А. И. Верховский отмечал 24 февраля 1917 г. в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава»⁹.

Полковник (впоследствии – генерал) С. А. Щепихин оставил любопытное позднейшее свидетельство о приближении падения монархии и ощущениях генштабистов в ту пору: «Последний мой отпуск из штаба армии открыл мне глаза на общее внутреннее положение в России. Начинался третий год войны. Естественно, что до армии доходили отголоски тех событий, что происходили по всей России, и мы, штабные работники, вели по этому поводу нескончаемые разговоры. Питались мы, конечно, только слухами, хотя при штабе фронта и штабе армии и выходили листки-газеты, но они носили строго официальный характер. В них искать ответа на мучившие нас вопросы не приходилось. Редко, очень редко до нас доходили так называемые оппозиционные газеты, вроде "Речи" милюковской или "Русского слова", да кто-нибудь из проезжавших через штаб лиц "освежал" наши впечатления рассказами очевидца, причем мы, как слепые, не могли относиться критически к этим повествованиям. Одни брали их на веру, другие, пряча, как страус свою голову под крыло, отметали все те "инсинуации", что гуляли по всей России, не оставляя своим разлагающим вниманием даже и членов царского дома... Мы даже склонны были иногда шутить, не изжив еще впечатлений от сознания могущества всего государственного строя: поговорят, поговорят наши либеральные круги, да тем дело и кончится, – рассуждали некоторые из

⁸ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (BAR). Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12.

⁹ Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914-1918 г.). Пг., 1918. С. 66.

нас... Мы верили в Алексеева и радовались, что все, прибывающие с тыла лица называли его "временщиком": чем больше власти даст царь этому умному человеку, тем для дела будет только лучше... Хотя в рассказах и сквозили иногда недовольные таким положением, военной по существу своему, диктатуры, нотки. Нас нисколько не поражало и то, что говорилось совершенно откровенно: в военных, де, кругах нарастает конституционное настроение: что же и это и не худо, по крайней мере, с головы нашего монарха снимут тяжелое бремя ответственности за всякую мелочь, и это может только укрепить его авторитет. Мы и слухи о готовящемся военном перевороте встречали совершенно спокойно: знали и были убеждены, что при подобном выходе из положения (а выход надо было найти, — так идти дальше невозможно) особа государя останется в полной неприкосновенности... Мы ведь совершенно не знали внутренних отношений в самой царской семье: нам казалось нормальным положение, при котором царь продолжает царствовать, хотя и на положении ограниченного монарха, по образцу, например, английского его брата, а государыня будет удалена совершенно... Говорили даже о заключении ее в монастырь... Как плохо мы знали Николая II-го.

Да и кто хорошо знал его внутренний характер: он подобен морской поверхности — зеркальная чистота и голубой блеск ласкают посторонний взгляд, но под этим тихим омутом всегда чувствуется глубина... и чужое (лунное) влияние, производящее приливы и отливы: исчезнет или ослабнет это влияние, и поверхность, уровень воды сильно опадает.

Однако самое наличие подобных пересудов на фронте (о готовящемся перевороте и т. п.) уже знаменательно и симптоматично: мы все, как замороженные, прислушивались к столь откровенным, по нашему мнению, и смелым излияниям, но нам обычно собеседник из глубокого тыла сообщал: "Да, господа, что вы на другой планете что ли проживаете и не знаете, что творится у нас в России? Ведь война-то кончится не у вас, здесь на фронте, а ее закончит тыл, поверьте нам... мы лучше вашего осведомлены". И мы, как это ни обидно было для самолюбия военного и фронтового в особенности, должны были признаться, что так в действительности и было... Мы по существу махали саблями перед пустым местом, а там позади фронта шла какая-то, может быть и плодотворная для фронта, работа, но одновременно и разъедающая его тело и душу.

Один из приезжих в Россию иностранцев, знатных конечно (незнатные по тому времени в счет не шли) воскликнул, что Россия — величайшая в мире

демократия, но управляемая, к сожалению, скверно и под влиянием кучки немцев... С улыбкой снисходительности мы выслушивали все эти поклепы на нас, верных и безответных союзников наших западных соратников, но мы упустили из внимания, что теперь, после двух лет тяжелой бойни, влияния переместились, и произошел величайший сдвиг, в результате которого народ всей своей массой давил не только на волю правителей государства, но и на полководца. И подобное, по-нашему, весьма ограниченному, мнению "вмешательство" в наши фронтовые дела постороннего элемента (это народ-то, средствами которого до кровавого налога включительно мы и держимся) было несовместимо с нашими... понятиями о власти. А между тем все твердые опоры из-под трона Романовых были давно уже выбиты, и он, если еще и держался, то скорее в силу инерции и традиции, не больше. Но понимать подобные катаклизмы, их положение и ближайшие результаты не дано рядовому члену государственного организма, да еще и военному по профессии, — этому худшему элементу в делах чисто политических и профану.

К сожалению, по-видимому, таким же профаном был и наш возглавитель, наш умный Алексеев. Иначе он должен был или прекратить все то, что происходило на его глазах и не без его попустительства, или же взять в твердые собственные руки кормило власти, заслонив совершенно особу царя.

Ни того, ни другого он не сделал, и дал себя провести на "мякине", хотя и был старым, опытным воробьем: мякиной оказался тот почет и уважение, которым его окружали и то внимание, с которым прислушивались к словам этого случайного человека. Он был нужен, как лежащее на пути бревно, его оставляли до поры до времени, чтобы сбросить, как ненужный хлам, когда он будет лишь мешать пассивно. В данный момент Алексеев еще мог "угрожать", а потому с ним заигрывали, и его щадили... В лучшем случае, когда его влияние падет, через него перешагнут и только; и он скоро прозреет, на практике уяснив, что слава мирская — это дым... проходит и уходит он без следа... Все эти разговоры и слухи так нас всех нервили (так в тексте. — А. Г.), что было до физической боли обидно слушать все эти "бредни": хотелось кричать, что опасность здесь, уже у порога и надо принимать какие-то меры. Однако действовать в подобные, переломные периоды дано не всякому: самое лучшее, что мог предпринять средний человек, это постараться забыть и забыться; наиболее "беспокойный" среди нас элемент постарался быть ближе к поверхности, откуда виднее и лучше всегда в такие моменты быть ближе к центру

события. Мы начали замечать беспокойство некоторых из наших сотоварищей: они выехали, временно якобы, но с прочным намерением никогда не возвращаться. К числу последних принадлежал и некто, кап. Генштаба Васильев, — заместитель покойного Звягинцева... Другие откровенно хлопотали, и достигли своего: о переводе в тыл или наверх, в ставку. "Крысы всегда первые начинают бегство с корабля", — шутили над подобными типами... но ведь нельзя отказать в здравом рассудке или инстинкте этим маленьким грызунам»¹⁰.

При заметном консенсусе в отношении необходимости перемен вокруг трона у части генералитета, в ней не могло быть единства взглядов относительно путей выхода из кризиса и способов устранения «темных сил». В общественном мнении альтернативу власти представляли борющиеся с ней общественные деятели, одним из лидеров которых был председатель Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков.

Можно согласиться с утверждением о том, что отдельные представители высшего командного состава под влиянием Гучкова выступили в качестве группы давления на императора¹¹. Это сотрудничество привело к их вовлечению в заговор против императора и последовавший переворот. Сам Гучков, рассуждая впоследствии о Ставке и возможном участии ее работников в предполагавшемся захвате императора, отмечал: «Не хотелось вводить этих лиц в состав заговора по многим причинам. Не только потому, что мы не были совсем уверены, найдем ли там сотрудников, но мы не хотели, чтобы эти лица, которые после переворота будут возглавлять русскую армию, чтобы они участвовали в самом перевороте»¹². Позднее, очевидно, сложилась иная комбинация, в результате чего некоторые руководящие работники Ставки (генералы П. К. Кондзеровский, А. С. Лукомский) и главнокомандующие фронтами (генералы великий князь Николай Николаевич (младший), Н. В. Рузский, В. В. Сахаров, А. Е. Эверт) после переворота лишились своих постов.

Складывание заговоров в высших армейских и иных кругах не являлось большим секретом. Генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Мы полагали, что достаточно заменить последнего царя кем-либо из его многочисленных родственников... и династия обретет былую силу... По многим намекам и вы-

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 211–213.

¹¹ Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 266.

¹² Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 18.

сказываниям я мог догадываться, что к заговорщикам против последнего царя или по крайней мере к людям, сочувствующим заговору, принадлежат даже такие видные генералы, как Алексеев, Брусилов и Рузский. В связи с этими заговорами называли и генерала Крымова... Поговаривали, что к заговорщикам примыкают члены Государственной Думы»¹³. Служивший в Ставке подполковник В. М. Пронин в эмиграции свидетельствовал, что Ставка была в курсе заговорщической деятельности Гучкова и не препятствовала ей¹⁴. О том, что одним из центров заговора являлся штаб Петроградского военного округа и фронтовые штабы писал впоследствии со ссылкой на неназванного видного военного деятеля отставной генерал А. В. Герасимов¹⁵.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего и фактически человек, руководивший всей русской армией, генерал М. В. Алексеев примерно за полтора года совместной работы смог близко узнать императора Николая II. Знакомство сопровождалось сильнейшим разочарованием в умственных способностях императора. Чего стоит эпизод с докладом Алексеева Николаю II в конце декабря 1915 г. о потерях в десятки тысяч человек в результате неудачного наступления на реке Стрыпе, когда «Алексеев докладывал эти цифры Николаю со слезами на глазах и дрожью в голосе, а идиот рассматривал в это время какую-то карикатуру и затем, как ни в чем не бывало, стал расспрашивать о всяком вздоре»¹⁶. Вполне естественно, у Алексеева сложилось стойкое убеждение в неспособности императора руководить воюющей страной. По одному из свидетельств, Алексеев говорил: «Я не монархист, я слишком хорошо знаю монархию, чтобы быть монархистом»¹⁷. Подтверждает это свидетельство и введенная в научный оборот О. Р. Айрапетовым уничтожающая характеристика, данная Алексеевым императору Николаю II весной – летом 1917 г., в которой есть и такие строки: «N человек пассивных качеств и лишенный энергии... неискрен[ность] развивалась все больше, пока не сделалась господствующей чертой [его] характера... Ему не хватает силы ума... Его доброта вырождается в слабость... Он был лишен и характера и настоящего темперамента... Душевные силы охотно устремляет

¹³ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 107.

¹⁴ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах Русской императорской армии: генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 439.

¹⁵ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 187.

¹⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Мн., 2003. С. 432.

¹⁷ BAR. Memoirs of V.N. Kasatkin. Folder 1.

на мелкое... Любил лесть, помнил зло и обиды»¹⁸. Схожие оценки в разговоре с Алексеевым 30 октября 1916 г. услышал протопресвитер Г. Шавельский: «Знаете, о. Георгий, я хочу уйти со службы! Нет смысла служить: ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну, что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрман, Раев, Питирим... На днях я говорил с ним, решительно все высказал ему.

– Ваше, – говорю, – дряхлое, дряблое, неразумное и нечестное правительство ведет Россию к гибели...

Кончил я, – он, улыбаясь, обращается ко мне: "Вы пойдете сегодня ко мне завтракать?"»¹⁹ Неприязнь Алексева к Распутину, Вырубовой, императрице и другим лицам того же круга, проявившуюся в разговоре весной 1916 г., подтверждал и генерал Н. И. Иванов²⁰.

Еще 1 апреля 1916 г. находившийся в Ставке М. К. Лемке записал: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем здесь заговоре... Я все время так веду разговор с Пустовойтенко²¹, чтобы заставить его проговориться, если он хоть что-нибудь знает. Но ни разу не слышал от него ни одного звука, кроме уже многократного указания на возможную роль Алексева в качестве диктатора... Что касается возможности осуществления прежде всего какого-либо акта в отношении самого Николая, то, разумеется, кратковременное лишение его свободы очень несложно... при авторитете и роли начальника штаба арест и прочее могут быть сделаны совершенно бесшумно, но властно и решительно. Николай, прежде всего – трус... По-моему, достаточно властно предъявить ему определенное требование, чтобы он понял, что роли переменились, и исполнил бы все»²². В другом месте Лемке назвал участников заговора: от политических деятелей – А. И. Гучков и А. И. Коновалов, от военных – М. В. Алексеев и А. М. Крымов²³.

¹⁸ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 201–203. Сверено с рукописью: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 855. Картон 1. Д. 10. Л. 1об.–2.

¹⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 201.

²⁰ Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 329.

²¹ Генерал-майор М.С. Пустовойтенко в тот период занимал должность и. д. генерал-квартирмейстера Ставки.

²² Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 485–486.

²³ Там же. С. 278.

На весну 1917 г. Алексеев намечал проведение наступления на Юго-Западном фронте, которое должно было привести к перелому в войне²⁴. Для обеспечения этой задумки необходимо было устранение помех в тылу, которые ассоциировались с императором и его окружением. Политический кризис подстегнул действия генералитета.

Алексеев посчитал возможным пойти на сотрудничество с представителями либеральной оппозиции, хотя любые контакты с ними чрезвычайно компрометировали генерала. С осени 1916 г. он участвовал в переговорах с Гучковым, которого знал с довоенного времени. К январю и августу 1916 г. относятся свидетельства о наличии между Алексеевым, Гучковым и М. В. Родзянко переписки²⁵, хотя отношения между Алексеевым и Гучковым не были близкими. 21, 22 и 28 сентября о переписке Гучкова с Алексеевым Николаю II писала императрица, получившая копии писем Гучкова. Александра Федоровна отмечала, что Гучков настраивал Алексеева против министров, причем не гнушался искажением фактов. Сам факт подобной переписки между Алексеевым «и этой скотиной Гучковым» (как писала императрица) вызывал беспокойство Александры Федоровны²⁶. Возмущение императрицы вызывал и старый друг Гучкова бывший военный министр генерал А. А. Поливанов²⁷. 9 октября 1916 г. письмо Гучкова Алексееву было представлено императору, причем он уже имел копию этого письма, а Алексеев ранее заверил монарха, что в переписке с Гучковым не состоял²⁸. При этом Алексеев отрицал и получение писем Гучкова. Николай II указал генералу на недопустимость подобной переписки «с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к монархии и к династии»²⁹.

Думается, едва ли дело заключалось в попытках компрометации Алексеева всеми враждующими лагерями, как иногда утверждается³⁰. Свидетельствовал о не доложенных императору контактах думских кругов с Алексеевым в период лечения генерала в Севастополе и соратник последнего генерал

²⁴ Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 216.

²⁵ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 177; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 31.

²⁶ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 97.

²⁷ Там же. С. 101.

²⁸ Ген. Алексеев и Гучков // Монархия перед крушением 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 277.

²⁹ Там же.

³⁰ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах Русской императорской армии. С. 449–450.

А. И. Деникин³¹. По оценке Деникина, борьба Государственной Думы (прогрессивного блока) с правительством находила «несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава»³². Дворцовый комендант В. Н. Воейков также обратил внимание на то, что «общественные деятели выказывали большую симпатию офицерам Генерального штаба»³³.

По свидетельству А. Ф. Керенского, получившего эти сведения от своего друга В. В. Вырубова, родственника князя Г. Е. Львова, Львов совместно с генералом М. В. Алексеевым осенью 1916 г. планировали добиться от императора высылки императрицы в Крым или Великобританию³⁴. Алексеев был человеком чрезвычайно осторожным, на письма оппозиционеров к нему старался не отвечать³⁵ и даже дату намеченной операции продемонстрировал без слов на отрывном календаре. Помешала реализации плана болезнь Алексеева в ноябре 1916 г. Об аналогичных слухах писал и генерал А. А. Брусилов³⁶. Насколько можно судить, при этом планировалось сохранить власть прежнего императора. Если подобные слухи соответствовали действительности, они не свидетельствовали о дальновидности Алексеева.

В закулисные комбинации оказался вовлечен и замещавший Алексеева в период его болезни либерально настроенный генерал В. И. Гурко, знавший Гучкова на протяжении полутора десятилетий и тесно с ним сотрудничавший. Кандидатуру Гурко предложил Алексеев. Именно при Гурко по Ставке поползли слухи о возможности принятия каких-либо решительных мер в отношении императора³⁷. Сам император и его приближенные считали, что Гурко подпал под влияние Гучкова³⁸. Предполагалось, что страна может быть выведена из кризиса и придет к победоносному завершению войны при установлении диктатуры Алексеева в контакте с представителями Государственной Думы³⁹.

По всей видимости, взгляды видных работников Ставки в отношении необходимости политических перемен были похожи. Служивший в Ставке

---

³¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 139.

³² Там же. С. 137.

³³ Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 189.

³⁴ Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 153.

³⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 9.

³⁶ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 204–205.

³⁷ Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 202.

³⁸ Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 213.

³⁹ Подробнее см.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 191–226.

контр-адмирал А. Д. Бубнов вспоминал о себе и других работниках штаба Верховного главнокомандующего: «Мы, опасаясь за судьбу дорогого нам отечества, с неодобрением и тревогой относились к внутренней политике верховной власти»⁴⁰. Далее мемуарист прямо отмечал, что проводником гибельной для страны внутренней политики являлся император.

Одним из потенциальных технических исполнителей переворота мог стать генерал А. М. Крымов, о чем говорил Гучков, да и другие участники событий⁴¹. Крымов сдружился с Гучковым еще в предвоенные годы и выступал в качестве его негласного консультанта по военным вопросам⁴². По своим взглядам еще до Первой мировой войны Крымов придерживался программы партии октябристов. Генштабист Ю. П. Апрелев, встретивший Крымова в те дни, позднее вспоминал: «Я очень обрадовался этой встрече, так как мы были под командой Крымова во время отступления 1915 г., и за этот период полк имел несколько славных дел, все мы Крымова прямо обожали. Я утверждаю, что это был один из самых лучших, доблестнейших и способных генералов русской армии. С громадной силой воли и прямо гениальным умом он соединял выдающуюся храбрость, задор молодого кавалериста и необыкновенное умение разбираться в обстановке. Кроме того, он обладал, хотя и некрасивой, но внушительной, бросающейся в глаза наружностью. Его боялись, но любили как офицеры, так и солдаты. И мы всегда знали, что приказ Крымова нельзя не исполнить, и что с ним мы не пропадем и будем иметь успех. Так оно и было всегда.

На вокзале я подошел к генералу Крымову и от него узнал, что его вызвал Гучков и предложил ему место помощника военного министра. Видя все, что творилось кругом, ... Крымов со всеми переругался и не нашел возможным согласиться на предложение Гучкова. С удивительной прозорливостью он предсказал мне, во что выльется революция в армии и к чему приведут последние новые реформы... Крымов говорил все это тогда (кажется, 6-го марта), когда почти все были уверены, что после революции наша армия окрепнет, и что мы обязательно победим»⁴³. В январе 1917 г. Крымов с дру-

⁴⁰ Бубнов А. Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 196.

⁴¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 23; Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 146-147; Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2003. С. 149-153.

⁴² Архив Гуверовского института (НИА). Vrangell Family Papers. Box 6. Folder 4. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 246.

⁴³ BAR. Iu.P. Aprelev manuscripts.

гими офицерами приезжал в Петроград, неофициально встречался с членами Государственной Думы и информировал их о катастрофическом положении на фронте, обусловленном помехами тыла и вредным влиянием императрицы. По свидетельству М. В. Родзянко, Крымов завершил выступление словами о неизбежности переворота, который на фронте «все с радостью будут приветствовать», добавив: «Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет»⁴⁴. Впрочем, в силу нахождения вдали от Петрограда на Румынском фронте Крымов в событиях февраля – марта 1917 г. роли не сыграл.

Схожие настроения присутствовали и в великокняжеской среде. Так, заговорщики зондировали мнение великого князя Николая Николаевича (младшего), к которому в конце 1916 г. был направлен видный деятель Союза городов, тифлисский городской голова А. И. Хатисов с предложением занять престол⁴⁵. Великий князь не поддержал идею переворота, но утаил от императора прозвучавшее предложение⁴⁶.

Летом 1917 г. Гучков в показаниях чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства не скрывал своих действий: «Нужно было стать на путь государственного переворота», – говорил он⁴⁷. Не без самодовольства он отмечал: «Я пульс армии нащупал. Я знал, как она исстрадалась от условий, в которые она была поставлена до переворота... Я был убежден, что армия, как один человек, за малыми исключениями станет на сторону переворота. Я должен сказать (а я ведь не только платонически сочувствовал этим действиям, я принимал активные меры), что провести это было трудно технически... требовалась с нашей стороны известная осторожность, потому что преждевременное раскрытие могло бы сделать этот шаг совершенно невозможным... надо было технически организовать, надо было толкнуть людей на этот решительный шаг... резкое, отрицательное, враждебное отношение к тому порядку, который установился у нас до переворота, было общее, за какими-нибудь ничтожными, единичными исключениями, как в офицер-

⁴⁴ Родзянко М. В. Крушение империи. М., 2002. С. 208. Также см.: Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 154.

⁴⁵ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 109–115.

⁴⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 31–32; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 192.

⁴⁷ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 260.

ской среде, так даже и в высшем командном составе...».⁴⁸ О характере готовившегося переворота в армии Гучков заявил прямо: «Все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс».⁴⁹ В эмиграции Гучков признал факт складывания заговора и разработки конкретных планов захвата императора и даже его возможной ликвидации уже осенью 1916 г.⁵⁰

У Гучкова установились связи с достаточно широким кругом офицеров, прежде всего, генштабистов. Помимо названных ранее – с А. И. Верховским, А. А. Поливановым, А. А. Свечиным, Б. А. Энгельгардтом, А. И. Андогским, П. И. Залесским⁵¹. Связи Гучкова простирались на Румынский и Северный фронты⁵². Генерал П. И. Аверьянов за время Первой мировой войны тесно сработался и сдружился с князем Г. Е. Львовым и А. И. Шингаревым, причем, по собственному признанию генерала, «с князем Львовым и А. И. Шингаревым у меня установились добрые и взаимно доверчивые отношения»⁵³.

Генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал в своих неопубликованных мемуарах: «Раньше, до войны я много слышал про А. И. Гучкова от тех офицеров Генерального штаба, которые действовали в тесном общении с ним, как с членом Государственной Думы, почему-то принявшим на себя роль думского контролера над военным министерством. Я знал о периодических совещаниях по военным делам, происходивших под председательством А. И. Гучкова с участием служащих в военном министерстве, искавших популярности у "кандидата" в военные министры. Эти господа раскрывали сверх всякой меры вверенные им по службе материалы перед Гучковым и в то же время ловчились перед своим начальством пролезть в высшие должности, прикиды-

⁴⁸ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 278–280.

⁴⁹ Там же. С. 279.

⁵⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 18.

⁵¹ НИА. Vrangal Family Papers. Box 6. Folder 4. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 247; ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 138. Л. 1об.; Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 64; Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 102; Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 207; Ученый с мировым именем (о военном историке и теоретике А. А. Свечине) / публ. И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 75.

⁵² Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л., 1926. Т. 6. С. 278.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 148об.

ваясь "без лести преданными" перед тем самым начальством, которое они же предавали Гучкову»⁵⁴.

Бонч-Бруевичу запомнилась встреча с Гучковым за несколько лет до начала Первой мировой войны: «Из состоявшегося разговора я вынес впечатление, что Гучков самовлюбленный человек, направляющий свою деятельность исключительно к обнаружению каких-то нелепостей в работе военного министерства; вообще интриговавший в области военного дела, без цели наладить его и даже без такой эрудиции в нем, которая давала бы возможность углубиться в дело и пойти дальше обыкновенных парламентских (думских) интриг...».⁵⁵

Существует точка зрения, что контакты Гучкова и его сторонников с офицерством не касались тех военных деятелей, которые могли использовать свое положение для подготовки военного переворота в столице, и только кризис самодержавия привел к настоящей народной революции в Петрограде⁵⁶. Однако это не совсем так. Именно военная власть сыграла определяющую роль в исходе петроградских событий, и в этой связи кадровый состав столичных военных властей представляется небезынтесным.

Выдвиженцем Алексева и Гурко, вовлеченным в политические события, был командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов (назначен 5 февраля 1917 г.)⁵⁷, проявивший себя в период беспорядков в Петрограде абсолютно пассивно и в качестве противника применения силы. Сотрудником Гучкова являлся и состоявший в распоряжении начальника Генерального штаба полковник Ф. И. Балабин, взаимодействовавший в период революционных событий с Хабаловым и Б. А. Энгельгардтом. Работал с Гучковым и полковник П. А. Половцов. Еще с довоенных времен сотрудничал с Гучковым и д. генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал М. И. Занкевич⁵⁸. Генерал был настолько близок Гучкову, что в прежние времена делился с ним секретными данными⁵⁹. Днем 27 февраля Занкевич был назначен начальником

⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 369. Картон 421. Д. 9. Л. 30–31.

⁵⁵ Там же. Л. 32.

⁵⁶ Шубин А. В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 110.

⁵⁷ Бубнов А. Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 214; Куликов С. В. Петроградское офицерство 23–28 февраля 1917 г. Настроения и поведение // Новый Часовой (Санкт-Петербург). 2006. № 17–18. С. 101.

⁵⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 93.

⁵⁹ Там же. С. 61; Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 58.

войсковой охраны Петрограда и помощником Хабалова⁶⁰. Он также старался держаться пассивно в отношении подавления беспорядков (под предлогом отсутствия надежных войск). Уже 28 февраля Занкевич и его сотрудники установили связь с думской военной комиссией⁶¹. Также любопытно, что 2 марта по приказанию М. В. Родзянко Занкевич связывался со Ставкой⁶².

Именно Занкевич направил 1 марта к генералу Н. И. Иванову, руководившему карательной экспедицией на Петроград, полковника В. Н. Доманевского на должность начальника штаба с предписанием уговорить Иванова заключить соглашение с Временным комитетом Государственной Думы⁶³. При этом из Ставки в качестве начальника штаба (по формулировке Иванова – адъютанта⁶⁴) к Иванову изначально был прикомандирован подполковник Н. Я. Капустин⁶⁵ – «совсем безынициативный и нерешительный человек. Помочь генералу Иванову советом он не был в состоянии»⁶⁶. Интересно, что Доманевский перед своей миссией заехал в Таврический дворец, где обсуждал предстоящую задачу с председателем думской военной комиссии Б. А. Энгельгардтом⁶⁷. Офицеры договорились, что Иванов должен будет признать власть Временного комитета Государственной Думы. От думцев с Доманевским на переговоры к Иванову отправился и сотрудник Гучкова генштабист, подполковник Н. Н. Тилли, который был известен Иванову по Юго-Западному фронту⁶⁸. Насколько можно судить, представители Времен-

⁶⁰ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 104.

⁶¹ Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 147.

⁶² Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 92; Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 59.

⁶³ Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 98; Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 267; Куликов С.В. Петроградское офицерство. С. 123.

⁶⁴ Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 316.

⁶⁵ Пронин В.М. Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 268.

⁶⁶ Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 6.

⁶⁷ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 54–55.

⁶⁸ Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 50; Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 42; Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 323–324; Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2008. С. 159–160; Мартынов Е.И. Царская

ного комитета Государственной Думы сочли полезным участие отряда Иванова в наведении порядка в столице. Прибытие двух человек от ГУГШ подтверждал и Иванов⁶⁹. Позднее Балабин и Занкевич в благодарность за свои действия получили от новой власти высокие назначения (первый – начальником штаба Петроградского военного округа, второй – представителем при французской армии).

Среди петроградских генштабистов были и другие сотрудники Гучкова, не занимавшие до революции высоких постов, такие как полковник Б. А. Энгельгардт и прибывший с Румынского фронта подполковник А. И. Верховский. Последний вспоминал, что «надеялся найти в лице Гучкова, в его друзьях точку опоры для реформ (и не только реформ) в армии»⁷⁰. В начале 1917 г. они встречались с людьми из окружения Гучкова. В беседах обсуждались варианты выхода из кризиса, не исключая и царевубийство.

Беспорядки в Петрограде на почве продовольственного кризиса стали катализатором революции. 27 февраля начался мятеж в войсках петроградского гарнизона, что привело к перелому обстановки. Эти события обусловили более активный переход офицерства на сторону мятежных войск. Попытки военного министра генерала М. А. Беляева организовать подавление успехом не увенчались, прежде всего, вследствие нежелания его подчиненных исполнять такие приказы.

По оценке и. д. начальника Генерального штаба генерала П. И. Аверьянова, до 2 марта 1917 г. с представителями Государственной Думы в Петрограде сотрудничали лишь отдельные генштабисты. Военную комиссию Временного комитета Государственной Думы, созданную днем 27 февраля, по предложению князя Г. Е. Львова⁷¹ возглавил полковник Б. А. Энгельгардт, включенный 13-м в состав самого Временного комитета. По телефону он пригласил для содействия в Таврический дворец своих прежних знакомых по посещению мобилизационного отдела ГУГШ в годы войны⁷². Помощниками председателя комиссии (по всей видимости, с утра 28 февраля) стали знако-

---

армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 146; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 300.

⁶⁹ Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 323.

⁷⁰ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 143; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 204.

⁷¹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 46.

⁷² ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 155. Аверьянов ошибочно считал, что это произошло утром 26 февраля, между тем военная комиссия возникла только 27 февраля.

мые Энгельгардта – полковники Л. С. Туган-Барановский, князь Г. Н. Туманов (также руководил регистрационным отделом комиссии) и Г. А. Якубович. Впоследствии они играли видную роль в военном министерстве (Якубович и Туманов стали помощниками министра при А. Ф. Керенском, а Туган-Барановский возглавил канцелярию министерства).

В работе комиссии с 28 февраля 1917 г. принимали участие полковник П. А. Половцов, генерал-майор Г. Д. Романовский, полковник У. И. Самсон-Гиммельшерна (с 1 марта занимался созданием общественного градоначальства, занимал пост помощника общественного градоначальника), с 1 марта – сотрудники Гучкова подполковник В. П. Гильбих (в апреле – мае 1917 г. возглавлявший комиссию) и генерал-майор А. С. Потапов⁷³. Еще одним членом комиссии стал подполковник В. Л. Барановский⁷⁴. 1 марта комиссию возглавил сам Гучков при помощнике генерал-майоре А. С. Потапове⁷⁵. С 4 марта комиссией руководил А. А. Поливанов. Энгельгардт якобы рассчитывал на пост военного министра и даже пытался заручиться поддержкой генерала М. В. Алексева⁷⁶. Однако военным министром с 3 марта 1917 г. стал А. И. Гучков. Интересно, что в то же время Энгельгардт опасался оказаться репрессированным в результате революции как жирондисты⁷⁷.

Находившийся в Таврическом дворце С. Д. Мстиславский (Масловский) вспоминал: «Энгельгардт сидел за "моим" столом, окруженный целой плеядой офицеров Ген. штаба – того же гвардейского корня, что и он сам: князь Туманов, Самсон фон Гиммельшерна, грузный "георгиевец" Якубович, Романовский (помнится...) и другие... Разговор шел о фактическом восстановлении штаба Петроградского военного округа, – впредь до того, как выяснится судьба "настоящего" штаба, – 27-го февраля забившегося в щели и все еще не решавшегося показаться на свет Божий. Временный штаб

⁷³ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 53; Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 251–255.

⁷⁴ Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 251.

⁷⁵ Мартынов Е. И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 136.

⁷⁶ Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 111. Впрочем, в своих воспоминаниях он утверждал, что, наоборот, якобы просил у Гучкова отставки (Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 58), что не стыкуется с его переговорами с М. В. Алексеевым 3 марта 1917 г. (Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 39).

⁷⁷ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 60.

этот постановлено именовать "Военной комиссией при Временном комитете Госуд. Думы". По штабному шаблону уже разверстаны были отделы, шло распределение должностей...». ⁷⁸

Костяк первых революционных офицеров, пожалуй, кроме Потапова, генерал П. И. Аверьянов считал энергичнейшими и выдающимися по своим способностям генштабистами, которые стремились работать на благо страны ⁷⁹. «Революционные» генштабисты помогали товарищам по Генштабу, например, спасли от ареста генерала Занкевича. Но эта группа офицеров не представляла путей реформирования армии, а лишь стремилась «играть роль» в переломное время. ⁸⁰

Петроградские генштабисты контролировали переговоры императора с императрицей. ⁸¹ По некоторым данным, связь Ставки с Царским Селом 1 марта была прервана по распоряжению Б. А. Энгельгардта, связь должна была осуществляться с Государственной Думой, в которой установили аппарат Юза. ⁸² Радиостанция Царского Села также перестала отвечать на сигналы Ставки. Энгельгардт участвовал в подготовке приказа о наведении порядка в городе, что способствовало переходу офицеров на сторону революции, назначил комендантов в разные части Петрограда, офицеры вели переговоры с колеблющимися начальниками. По приказу военной комиссии был осуществлен захват Адмиралтейства, чему способствовали распоряжения М. И. Занкевича. ⁸³ Сам Энгельгардт по приказу М. В. Родзянко выезжал агитировать в казармы Лейб-гвардии Преображенского полка на Миллионной улице. ⁸⁴

В работе военной комиссии участвовали также офицеры без академического образования. И хотя реальных сил в распоряжении комиссии не было, так или иначе поддерживавшие Думу офицеры способствовали минимизации сопротивления в Петрограде и вокруг него. В то же время они несут от-

⁷⁸ Мстиславский С. Пять дней. С. 44.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 160об.

⁸⁰ Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843 (2) (6) (2). Вох 2. Носович А.Л. Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 2. С. 12–13.

⁸¹ Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 27; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. М., 2015. С. 119.

⁸² Пронин В.М. Последние дни царской Ставки. С. 270.

⁸³ Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 101–102.

⁸⁴ Там же. С. 112.

ветственность и за разрушительные последствия тех распоряжений, которые отдавались из Таврического дворца.

Противники подавления «народной воли» были и среди других петроградских генштабистов. 27 февраля на собрании старших офицеров в гостинице «Астория», где обсуждался вопрос о сопротивлении сдаче офицерами оружия нижним чинам, неизвестный полковник Генштаба заявил, по свидетельству очевидца: «Помилуйте, господа, разве мы в средние века живем? Оружие надо сдать! Мы не можем идти против народной воли! Это преступление проливать народную кровь»⁸⁵. Впоследствии этот офицер был встречен мемуаристом в гетманской армии. Однако против сдачи оружия выступили генерал Н. Г. Володченко и подполковник Н. Н. Тилли. Генерал А. В. Каульбарс вспоминал: «Все военные люди того времени и особенно старшие из них, находились под почти непрерывающимся наблюдением новых властей: обыски в квартирах с целью поиска и отобрания оружия, допросы, аресты и т. п. производились часто и подвергая военных серьезной опасности, крайне стесняли свободу передвижения. Вместе с тем стоимость жизни стала расти быстро, и необходимо было подумать и хлопотать о сохранности своего имущества»⁸⁶.

Генерал-майор С. П. Михеев позднее свидетельствовал: «Лично я считаю партийность для армии вредящей ее боеспособности, а потому сам ни к какой партии никогда не принадлежал, хотя в первые дни революции, как заведывающий школами прапорщиков Петроградского военного округа, 28-го февраля открыто стал в ряды революции и в ночь на 1-е марта получил указания и задачи от Родзянко и Гучкова. Приказания эти были мне даны в письменной форме, и я могу по требованию представить копию с них. В последующие дни я неоднократно бывал в Петрограде в С. Р. и С. Д. для разрешения различных вопросов по делам Петергофского гарнизона, начальником коего я был назначен Военным комитетом при Государственной Думе...»⁸⁷.

Начальник Генерального штаба генерал П. И. Аверьянов вспоминал о событиях февраля-марта 1917 г. в Петрограде: «Числясь больным, я никуда из своей квартиры не выходил. О начавшихся 25 февраля в Петрограде беспорядках и о дальнейшем развитии их 26, 27, 28 февраля и 1го марта я знал

⁸⁵ Марков С.В. Покинутая Царская Семья. 1917-1918. Царское село – Тобольск – Екатеринбург. М., 2002. С. 89.

⁸⁶ ВАР. Semenovskii Polk Papers. Box 5. Khol'msen I.A. [untitled].

⁸⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1313. Л. 300–300об.

лишь сначала из газет, а когда газеты перестали аккуратно выходить, то из заменивших в эти дни газеты различных листков и "известий", покупаемых по моему приказанию прислугой... а также из рассказов некоторых офицеров, служивших в Генеральном и в Главном штабах и вынужденных ночевать у меня на квартире, не выходя из здания Главного штаба, т. к. они не имели возможности вернуться к себе домой по наполненным бунтующими толпами рабочих и солдат улицам. Из этих источников мне делались известными часто весьма противоречивые слухи и сведения о какой-то думской военной комиссии во главе с членом Государственной Думы, Генерального штаба полковником Б. А. Энгельгардтом, который якобы приказывал бунтующим солдатам расстреливать не примкнувших к бунту офицеров. Потом дошли до меня слухи и об участии в этой комиссии и других офицеров Генерального штаба, причем называли служивших в Гл[авном] упр[авле]нии Генерального штаба и моих ближайших помощников в бытность мою начальником мобилизационного отдела Гл[авного] упр[авле]ния Генер[ального] штаба, а именно полковника Якубовича и подполковников⁸⁸ князя Туманова и Л. С. Туган-Барановского. Мои попытки в эти дни переговорить с кем-либо из начальников отделов Генер[ального] штаба не приводили ни к чему, т. к. всегда оказывалось, что они где-то отсутствовали, а о моем (на время моей болезни) заместителе, генерале Занкевиче, мне докладывали чаще всего, что он у военного министра, генерала Беляева; однажды доложили, что он в казармах Павловского полка, а другой раз – что он организует отряд для подавления бунта; потом, кажется, уже 1 марта, мне доложили, что начальник отдела по устройству и службе войск, генерал Каменский, находится с некоторыми офицерами отдела в Государственной Думе. Начальники отделений Гл[авного] упр[авле]ния Генер[ального] штаба, которых я тоже вызывал по телефону, также или отсутствовали или же докладывали мне, что сами находятся в полном недоумении относительно происходящих в Петрограде событий, сами питаются слухами, а начальства своего не видят и что осветить мне положение могли бы только Якубович, Туган-Барановский и кн. Туманов, с 26 февраля⁸⁹ находящиеся в думской военной комиссии и даже в Совете рабочих депутатов. Фамилии этих 4^х офицеров Генерального штаба (в том числе и полк. Энгельгард[т]а) стали попадаться и в продаваемых на петроград-

---

⁸⁸ П. И. Аверьянов неточен, на момент описываемых событий все они были полковниками.

⁸⁹ Правильно – с 27 февраля.

ских улицах листовках и новых газетах, где их восхваляли за то, что они "стали на сторону восставшего народа". Вообще еще до 2 марта эти 4 фамилии стали одиозными и были на устах у многих лиц военного петроградского мира. Вскоре к ним присоединилось ставшее еще более одиозным имя Генер[ального] штаба генерал-майора Потапова, которого не нужно смешивать с его однофамильцем, служившим в то время в Гл[авном] упр[авле]нии Генер[ального] штаба, генерал-майором Николаем Михайловичем Потаповым (бывшим до войны русским военным агентом в Черногории). Я умышленно останавливаюсь на этих слухах, в то время циркулировавших по Петрограду относительно этих "одиозных" имен, т. к. именно с этого времени и благодаря именно этим лицам создалось столь распространенное мнение, что офицеры Генерального штаба "первые перелицевались на революционный лад". Впоследствии для меня вполне выяснилось, что три четверти слухов и сплетен о деятельности в первые дни революции полк. Якубовича и подполковников кн. Туманова и Л. С. Туган-Барановского совершенно не соответствовали действительности, чего я, однако, не сказал бы о деятельности генерала Потапова, но последний был просто больной, ненормальный и почти "не вменяемый" человек, с которым военный министр А. И. Гучков не знал впоследствии, как и разделаться, как его сплавить не только из Петрограда, но даже вообще из России. Крайне обеспокоенный слухами относительно вышеназванных штаб-офицеров Генер[ального] штаба, я, после долгих неудач, добился (кажется, 28 февр[аля] или 1го марта) соединения меня по телефону с полковником Б. А. Энгельгардтом, рассчитывая узнать от него истину о причинах нахождения в возглавляемой им думской военной комиссии этих офицеров, но с первых же моих слов я был резко и грубо оборван полковником Энгельгардтом и едва ли даже не обруган им. "У меня нет времени, да и нежелательно мне разговаривать с такими...", услышал я по телефону, но конца фразы не расслышал и не понял...»⁹⁰

После ареста 28 февраля генерала С. С. Хабалова вр.и.д. главнокомандующего Петроградским военным округом стал генерал Н. С. Аносов, получивший назначение 2 марта по приказу М. В. Родзянко⁹¹. Утром 1 марта в Собрании армии и флота прошел митинг офицеров петроградского гарнизона под руководством еще одного генштабиста полковника И. И. Защука. Было

⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 141-143.

⁹¹ Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 119.

вынесено постановление «идти рука об руку с народом». Резолюцию офицерская делегация доставила в Таврический дворец⁹².

Помимо представителей старого Генштаба на сотрудничество с Государственной Думой пошли некоторые слушатели ускоренных курсов Николаевской военной академии (курсовики), составлявшие более демократичную группу офицеров. В связи с нехваткой офицеров через правителя дел академии полковника А. И. Андогского в расположенный в непосредственной близости от академии Таврический дворец 2 марта были вызваны 20 офицеров⁹³, а на следующий день – еще 16 человек⁹⁴. Прибывшие слушатели сыграли организующую роль.

Документально удалось установить, что семь слушателей ускоренных курсов 27 февраля 1917 г. отправились в Таврический дворец, где изъявили желание работать вместе с представителями Государственной Думы и поступили в распоряжение полковника Б. А. Энгельгардта⁹⁵, назначенного председателем военной комиссии. Энгельгардт вечером 27 февраля был включен в состав Временного комитета Государственной Думы, назначен комендантом Таврического дворца (пробыл в этой должности до утра 28-го)⁹⁶, а затем ему поручили руководить петроградским гарнизоном. Курсовик И. А. Антипин, в частности, стал ведать столом учета воинских частей, перешедших на сторону Государственной Думы. Участвовали в этой работе также курсовики В. И. Боголепов⁹⁷ и И. А. Войтына, причем последний даже занимался организацией обороны Варшавского вокзала на случай прибытия правительственных войск под командованием генерала Н. И. Иванова⁹⁸. Штабс-капитан Н. Ю. Вержбицкий стал помощником коменданта Таврического дворца. В 1922 г., пытаясь продемонстрировать свои революционные заслуги и избежать преследования за службу у белых, он писал в рапорте: «Мое поведение в Петрограде в первые дни февральской революции, когда я по должности (принятой мною добровольно после переворота) помощника коменданта Таврического дворца, организовывал охрану Таврического района, оказывая ряд услуг

⁹² Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 135.

⁹³ Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 28.

⁹⁴ Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 127.

⁹⁵ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 72.

⁹⁶ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 239.

⁹⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3031 (3648). Л. 60б.

⁹⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3036 (3653). Л. 17об.

впервые организовавшемуся тогда совету рабочих и солдатских депутатов, и многие другие факты свидетельствуют, как далек я от психологии "контрреволюционера"»⁹⁹.

Среди слушателей академии, направленных в распоряжение членов военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, были со 2 марта: подполковники А. Н. Виноградов (занимался делопроизводством по личному составу) и Б. Н. Скворцов, капитаны Н. А. Киселев, М. Е. Шохов (занимался делопроизводством по личному составу), штабс-капитаны Н. Ю. Вержбицкий (офицер при управлении коменданта Таврического дворца), А. П. Вохмин (занимался работой по казначейской части), Карпекин (в зале армии и флота выдавал удостоверения офицерам, уезжавшим на фронт), Б. И. Кузнецов, Лейн (работал в столе приказов Общей канцелярии), И. Н. Полковников, В. Ф. Притоманов (работал в столе приказов Общей канцелярии), Н. Т. Раздоров, П. М. Стрыхарь (занимался рассмотрением прошений), Б. Н. Тюренков (работал в отделе регистрации войск), Чернышев (занимался рассмотрением прошений), поручик В. Н. Маслов (в отделе службы связи); затем (с 3 марта): капитаны И. Т. Алексеев, И. А. Войтына, Д. А. Гебель, И. Р. Гетманцев, С. К. Гиндце, Н. Н. Доможиров, П. А. Кривченко, Б. П. Лапшин, С. С. Любинский, П. И. Ляшко, Матюшков, А. Г. Пахомов, А. М. Перемытов, Попов, Трухин, П. А. Федосеев, Н. А. Штюрмер, штабс-капитаны И. Д. Мараев, Н. Н. Розанов, подьесаул И. А. Смирнов¹⁰⁰. Это были слушатели старшего класса ускоренных курсов 1-й и младшего класса ускоренных курсов 2-й очереди академии. Возможно, привлечение курсовиков к этой деятельности прививало им определенный вкус к политической активности. Уже в советский период выпускники курсов 2-й очереди проявили незаурядную корпоративную сплоченность, которая даже вызвала беспокойство большевистского руководства¹⁰¹.

О настроениях слушателей академии свидетельствовал курсовик И. Д. Чинтулов в показаниях по делу «Весна»: «Когда я в феврале 1917 г. очутился в Петербурге¹⁰², в Военной академии, куда я был вызван для про-

⁹⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 13.

¹⁰⁰ Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 255–260, 268, 272–273, 275, 276. Внесены уточнения по собственным изысканиям.

¹⁰¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 33–66.

¹⁰² Правильно: в Петрограде.

должения военного образования, и оказался свидетелем Февральской революции, мне не показалось трудным нарушить присягу. Я видел вокруг себя только единомышленников. Академия казалась целиком на стороне восставших. Во всяком случае, никто не взялся за оружие, чтобы бороться за царизм. Последующие события в Питере до июня месяца протекали на моих глазах. Множество партий не давало возможности, за делом, приглядеться к ним пристальнее. Шумели больше всех кадеты и большевики. На мой взгляд, события не сулили умиротворения. Большевики грозили разложением и упразднением армии, но было ясно, что им без вооруженной силы не обойтись»¹⁰³. О том, что академия была важна для новых петроградских властей, свидетельствует то, что новый военный министр А. И. Гучков уже 6 марта 1917 г. выступил перед слушателями академии с призывом быстрее овладеть знаниями, дабы влить свежую струю в военное руководство¹⁰⁴.

Революционная смута во многом была смутой в головах, что порождало порой неожиданные заявления. Так, штабс-капитан Т. Д. Кругликов 20 марта 1917 г. подал прошение об отчислении от академии со следующими словами: «Как очевидец и участник великих событий, происшедших в Петрограде с 27 февраля по сей день, могу принести существенную пользу на фронте своим живым словом к войскам»¹⁰⁵. Есть данные о том, что 2–3 марта курсовиков в распоряжение военной комиссии Временного комитета Государственной Думы вызвал казначей комиссии полковник Н. К. Вегге.

Смена власти была отмечена многочисленными актами насилия в отношении офицеров, в том числе генштабистов. Наиболее масштабные, массовые убийства офицеров произошли на Балтийском флоте, но и в самом Петрограде офицерам было небезопасно. По всей столице прокатилась волна обысков. Толпы солдат искали офицеров и оружие по квартирам, грабили, творили насилие. Показаться на улице офицеру становилось небезопасно. У ряда слушателей ускоренных курсов Николаевской военной академии в Петрограде бесчинствующие солдатские толпы в конце февраля – марте 1917 г. отби-

---

¹⁰³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 6–6об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.

¹⁰⁴ Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 39; Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 113.

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 31.

рали оружие, в том числе врываясь в их квартиры¹⁰⁶. У генерала А. А. Поливанова толпа забрала коллекцию оружия и часть одежды и обуви, у генерала А. З. Мышлаевского – револьвер, шашку, 2 пальто, 30 бутылок вина¹⁰⁷. Генштабист Ю. П. Апрелев вспоминал: «В эти дни выходить на улицы было неприятно, особенно в погонах и при оружии»¹⁰⁸. Сам Апрелев тогда был арестован. В дни революции, в феврале – начале марта 1917 г., пропал без вести слушатель старшего класса академии штабс-капитан 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка С. И. Матвеев-Рогов¹⁰⁹. До конца апреля поиски ни к чему не привели¹¹⁰.

Преподаватели, по долгу службы пришедшие в академию, из соображений безопасности были вынуждены ночевать в ней, либо на квартирах у коллег, проживавших поблизости. Так, 27 февраля 1917 г., опасаясь возвращаться из академии по городу, профессор М. А. Иностранцев заночевал на квартире своего сослуживца полковника Д. К. Лебедева, а на следующий день при попытке вернуться домой попал под пулеметный обстрел. Чтобы не подвергать преподавателей и слушателей риску, занятия были прерваны на две недели с 27 февраля по 12 марта (позднее пропущенный период добавлен к учебному курсу, который завершился не 1-го, а 15 мая¹¹¹). Небезопасно стало офицерам находиться и у себя на квартирах. Многие преподаватели и слушатели пострадали вследствие беспорядков и обысков с изъятием оружия. Пострадавшие вряд ли были в восторге от смены власти, с которой начали сотрудничать некоторые их сослуживцы. Семена идейно-политического раскола офицерства были посеяны.

Активное сотрудничество ГУГШ с новыми властями началось 2 марта 1917 г., когда, по свидетельству П. И. Аверьянова он принял решение вернуться на службу: «В 8 час. утра 2 марта ко мне на квартиру прибыли несколько офицеров Главного управления Генер[ального] штаба с генералом Каменским и полковником Ермаковым во главе. Последние два доложили мне, что они явились ко мне в роли депутатов от Главного управления Гене-

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 112, 113, 134, 184, 223об., 224, 227-228, 230, 232, 234, 236, 307, 429.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 19а. Л. 10.

¹⁰⁸ ВАР. Iu.P. Aprelev manuscripts.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 41.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1535. Л. 66.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 87об.

рального штаба, служащие которого просят меня немедленно же вступить в исполнение служебных обязанностей по моей должности начальника Генерального штаба, т. к. наступили полнейшее безвластие и хаос, в котором они теряются и чувствуют себя заброшенными. Генерал Каменский доложил еще мне, что в данный момент здесь же в здании Главного штаба происходит арест военного министра генерала Беляева, который, просидев некоторое время в Адмиралтействе, защищаемом небольшим сборным отрядом генерала Занкевича (вр. исп. обязанности начальника Генерального штаба во время моей болезни), перешел ночью вчера в Гл[авное] упр[авле]ние Генер[ального] штаба, где и скрывался в его, генерала Каменского, квартире, а сегодня утром по телефону отдал себя в распоряжение образовавшегося под председательством М. В. Родзянко Временного комитета Государственной Думы, откуда ему ответили, что его сейчас отвезут, не то в Петропавловскую крепость, не то в Государственную Думу (в Таврический дворец); что же касается генерала Занкевича, то где он теперь – неизвестно, а его отряд частью самовольно разошелся, частью перешел на сторону бунтовщиков, а частью попал в плен к последним. От этих же депутатов я узнал, что все улицы Петрограда уже третий день наполнены бесчинствующими солдатами, что происходят обыски и разгромы квартир не только лиц официального служебного положения, но и частных обывателей, что арестовали многих видных генералов, что на улицах часты случаи убийства солдатами и рабочими офицеров и срывания с них погон, что Петрограду грозит полная анархия со всеми ее ужасами, что наводят порядок какие-то подозрительные офицеры, не то самозванцы, не то действительно уполномоченные на это думской военной комиссией полковника Энгельгард[т]а; что двор и наружные двери огромнейшего здания Главного штаба заняты какой-то сборной командой солдат гвардейских запасных частей...»¹¹²

Тем же утром состоялось совещание начальников Генерального штаба П. И. Аверьянова, Морского Генерального штаба А. И. Русина, начальника Главного штаба Н. П. Михневича и дежурного генерала Главного штаба А. П. Архангельского, которые затем в 9 часов утра поехали на грузовике в Таврический дворец, где провели переговоры с представителями Временного комитета Государственной Думы. По воспоминаниям генерала Аверьянова, во дворце уже находились подполковники Туган-Барановский и князь

¹¹² ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 143об.-144об.

Туманов, причем «названные офицеры Генерального штаба, как прошедшие в Государств[енной] Думе все время с 26 февраля¹¹³, являлись "своими людьми" в том неопишемом хаосе, который царил во всех помещениях дворца; к ним обращались, им даже повиновались в этой разнузданной толпе»¹¹⁴. В Таврическом дворце Аверьянов встретил своего старого знакомого князя Г. Е. Львова, причем последний при встрече даже трижды расцеловал генерала как на Пасху¹¹⁵. В тот же день вслед за М. В. Родзянко Аверьянов направил в Ставку телеграмму о необходимости назначения генерала Л. Г. Корнилова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа «для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному комитету, спасающему монархический строй»¹¹⁶.

Важнейшую роль в событиях отречения Николая II от престола сыграла Ставка. К сожалению, свидетельства активных участников событий из Ставки (самого М. В. Алексева, генерал-квартирмейстера А. С. Лукомского, дежурного генерала П. К. Кондзеровского, младшего штаб-офицера для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера Д. Н. Тихобразова, начальника службы связи Б. Н. Сергеевского и других) крайне скупы, нацелены на полное оправдание действий чинов Ставки и порой искажают факты, что объясняется стремлением не афишировать свое участие в событиях ввиду их губительных для страны последствий, выявившихся позднее. При изучении обширного массива свидетельств участников очевидны попытки представителей Ставки переложить ответственность за произошедшее на главнокомандующих армиями фронтов Н. В. Рузского и А. А. Брусилова¹¹⁷. Диаметрально противоположный взгляд на поведение работников Ставки и штаба Северного фронта содержат мемуары чинов императорской Свиты. Со своей стороны, впоследствии пытался запутать ход событий и главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский.

Большевик А. Г. Шляпников, знакомившийся не позднее середины 1920-х гг. с документами Ставки, свидетельствовал касательно судьбы

¹¹³ Правильно – с 27–28 февраля.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.

¹¹⁵ Там же. Л. 148об.

¹¹⁶ Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 7.

¹¹⁷ См., напр.: Пронин В.М. Последние дни царской Ставки. С. 263.

подлинников ключевых опубликованных в связи с отречением документов: «Мы попытались проверить их по имеющимся архивным материалам, но среди документов Ставки ни подлинников, ни копий не оказалось. Выяснилось, что многие материалы за время от 20–25 февраля и по 5–10 марта 1917 г. во всех штабах и армейских управлениях из дел умышленно изъяты еще во времена господства генералов. Однако по номерам, которыми помечены телеграммы Ставки, а также по косвенным данным можно определить их достоверность»¹¹⁸.

Косвенным подтверждением сокрытию документов служит свидетельство служившего в Ставке Д. Н. Тихобразова об архивной судьбе важнейшей телеграммы Николая II о передаче престола наследнику цесаревичу, подписанной уже после отречения и сокрытой генералом М. В. Алексеевым. Тихобразов свидетельствовал: «Бланк непосланной собственноручной телеграммы Николая II председателю Вр. правительства генерал Алексеев до своего ухода из Ставки хранил у себя. Будучи назначен Верховным главнокомандующим и объезжая фронты, генерал Алексеев брал всегда с собой подполковника Тихобразова в качестве офицера Генерального штаба. В одной беседе с ним после обеда в вагоне-салоне, вспоминая приход к нему государя 4 марта, Алексеев говорил этому офицеру, что телеграмму Николая II он оставил у себя, решив о ней никому пока не говорить, дабы не смущать умы, а после своего ухода из Ставки передать ее на хранение в штаб, что генерал Алексеев на самом деле и сделал. Эту телеграмму автор держал в своих руках после инцидента с генерал-квартирмейстером Романовским, будущим начальником штаба белых деникинских армий. В начале июня 1917 г., позвав к себе временно и. д. начальника оперативного отделения, генерал спросил его о порядке хранения документов государственной важности. Подполковник Тихобразов, дав соответственное разъяснение, спросил генерала: "Вы имеете, наверно, в виду собственноручную телеграмму государя о согласии на передачу престола наследнику?".

Романовский вспыхнул: "[Под]полковник, неужели вы позволили себе рыться в ящиках моего письменного стола?" и инстинктивным жестом положил руку на ключ одного из правых ящиков своего письменного стола. Сознавая, что его ответ мог ошеломить Романовского до такой степени, что он не отдавал себе отчета в оскорбительности произнесенных слов, Тихобразов ре-

---

¹¹⁸ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2. Март. С. 4.

шил принять их за шутку, и, улыбаясь, ответил: "Ну, Ваше Превосходительство, до этого я еще не дошел. Если же я в курсе дела, то это нисколько не удивительно", и подполковник изложил подробно все обстоятельства дела.

"Так как генерал Алексеев ушел, то я вправе был полагать, что слово свое он сдержал. В таком случае, к кому, как не к вам, могла попасть телеграмма, так как все документы по революции хранятся в нашем оперативном отделении. Кстати, покажите мне телеграмму". Романовский прочесть телеграмму дал, но в оперативное отделение ее не передал. Какова ее дальнейшая судьба – автору этого узнать не удалось. Возможно, что она передана была в дела Чрезвычайной следственной комиссии Муравьева»¹¹⁹.

Подобная особенность источниковой базы предопределяет немалую сложность в установлении истинного хода событий. Однако совокупность разнообразных источников, опубликованных как в эмиграции, так и в СССР, позволяет рассмотреть интересующий нас вопрос с разных сторон путем сравнительного анализа и выявления нестыковок в документах.

Показателен сам характер оправданий чинов Ставки. Подполковник Д. Н. Тихобразов писал: «Высшие чины Ставки и офицеры Генерального штаба, отлично отдавая себе отчет в недостатках государственного управления, все же оставались лояльны в отношении государя, чем объясняется неуспех мысли о дворцовом перевороте в Ставке... Факт, что после революции, морского штаба адмирал Бубнов рассказывал автору подробности проектированного дворцового переворота, не может служить доказательством, что адмирал был к нему причастен»¹²⁰. Из этой фразы следует, что вопрос о дворцовом перевороте стоял на повестке дня и, так или иначе, обсуждался даже со штаб-офицерами Ставки.

Генерал М. В. Алексеев вернулся в Ставку после лечения 17 – 18 февраля, всего за неделю до начала беспорядков в Петрограде. По его просьбе в Ставку из Царского Села 22 февраля выехал, а 23-го прибыл император¹²¹. За этим последовали решающие события. Как отмечал состоявший тогда при императоре генерал Д. Н. Дубенский, «генерал Алексеев пользовался в это время самой широкой популярностью в кругах Государственной Думы, с которой

¹¹⁹ Тихобразов Д.Н. Дни пребывания императора Николая II в Ставке после отречения. С. 48-50 // VAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 1.

¹²⁰ Там же. С. 51.

¹²¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 284; Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 267–268.

находился в полной связи»¹²². 26 февраля датирована тревожная телеграмма М. В. Родзянко Алексееву о событиях в Петрограде, содержащая требование смены правительства на формируемое Думой. В телеграмме были и следующие строки: «Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение»¹²³. По свидетельству Дубенского, Алексеев был очень встревожен¹²⁴ и вечером 27 февраля согласовывал вопросы отправки на Петроград карательной экспедиции генерала Н. И. Иванова, назначенного главнокомандующим Петроградским военным округом вместо Хабалова. Основу отряда Иванова составил Георгиевский батальон охраны Ставки, к которому по мере приближения к столице должны были присоединиться и другие части.

В этот период генералитет уже приступил к давлению на императора в плане реализации предложений, поступавших из Петрограда. В частности, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский телеграфировал императору о том, что карательные меры в сложившейся ситуации могут лишь обострить ситуацию¹²⁵. На следующий день за необходимость переговоров с Петроградом высказался и Алексеев¹²⁶.

Фактически к началу марта император Николай II (в том числе в результате действий генералитета) оказался в изоляции и выпустил из рук рычаги управления армией. Давление на него с разных сторон возрастало. Важнейшими факторами, способствовавшими падению монархии, являлось отсутствие императора в столице, оторванность его от собственной семьи в Царском Селе (что дало повод для шантажа и давления), наличие на ключевых военно-административных постах в Петрограде лиц, вовлеченных в переворот. По свидетельству А. И. Гучкова, из всех вариантов устранения монарха заговорщики остановились на идее захвата императора с помощью верных офицеров во время его нахождения в пути между Ставкой и Петроградом¹²⁷. Нечто подобное и было реализовано в итоге.

¹²² Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 36.

¹²³ Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало) // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 6.

¹²⁴ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 41.

¹²⁵ Там же. С. 229; Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 91.

¹²⁶ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 238–239.

¹²⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 18.

Вопрос о безопасности императорской семьи оказался краеугольным камнем всего отречения. Не случайно флигель-адъютант А. А. Мордвинов отметил, что, если бы императрица была рядом с Николаем II, отречения бы не было¹²⁸. Рано утром 28 февраля император выехал из Могилева в направлении Царского Села, однако проехать туда не удалось и было решено остановиться в Пскове, куда императорский поезд прибыл около 20 часов 1 марта. 1 марта в своем дневнике Николай II записал: «Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там!»¹²⁹ Отъезд императора из Ставки спровоцировал последующие события, включая и действия генералитета.

Около часа ночи 1 марта М. В. Алексеев командировал начальника службы связи Ставки подполковника Б. Н. Сергеевского с большим пакетом к великому князю Сергею Михайловичу. Поручение выглядело необычным для генштабиста и сильно удивило самого посланца. По предположению Сергеевского, речь шла об обсуждении кандидата в военные диктаторы¹³⁰. Впрочем, на повестке дня стоял вопрос об уступках Петрограду.

Генерал Н. В. Рузский уже в беседах с приехавшими в Псков придворными заявил, что «придется, быть может, сдаваться совершенно на милость победителя»¹³¹. Ставка посредством помощника Алексеева генерала В. Н. Клембовского в 0 часов 25 минут 2 марта информировала императора (принимал информацию в Пскове генерал В. Г. Болдырев) о том, что Петроград уже находится в руках восставших, причем на их стороне даже Собственный Его Величества конвой, охранявший царскую семью¹³². Известно, что делегаты конвоя действительно ездили в Таврический дворец¹³³. Но, несмотря на это,

¹²⁸ Мордвинов А.А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. М., 2014. Т. 2. С. 64.

¹²⁹ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 295.

¹³⁰ Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 12–13.

¹³¹ Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 81. Также см.: Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 232.

¹³² Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало). С. 54.

¹³³ Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 28; Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 88–90.

конвойцы добросовестно несли службу до 8 марта¹³⁴. Более того в ночь на 2 марта императрица встретила с приехавшим в Царское Село генералом Н. И. Ивановым, которому во избежание столкновений приказала отвести войска. Таким образом, прямой угрозы безопасности императорской семьи не было.

Существовала (пусть и неустойчивая) связь Ставки с Ивановым. Во всяком случае, Иванов получил телеграмму Алексеева о приостановке движения на Петроград в связи с успокоением там¹³⁵. Следовательно, Ставка при желании могла разобраться в реальном положении императорской семьи. Однако вместо этого чины Ставки начали преднамеренно упоминать о переходе охранявшего семью императора конвоя на сторону революции. Делалось это явно в целях шантажа императора. Интересно, что при публикации документов генерал А. С. Лукомский в «Архиве русской революции» перенес время этого разговора на утро 2 марта¹³⁶.

Сам факт передачи Ставкой в Псков информации о положении Петрограда опровергает свидетельство начальника службы связи Ставки Б. Н. Сергеевского о том, что якобы с утра 28 февраля до ночи на 3 марта связь Ставки со столицей, по указанию Алексеева, была прервана¹³⁷. Если связи не было, тогда тем более очевидно, что императора из Могилева дезинформировали сознательно. В действительности связь Ставки с Петроградом прекрасно работала.

Дежуривший в Ставке 28 февраля, 2 и 4 марта подполковник Д. Н. Тихобразов вспоминал об интенсивной работе телеграфа Ставки в те дни: «Чрезвычайные события вызвали чрезвычайную работу телеграфа, что приковывало дежурного по Генеральному штабу к прямым проводам. Таковые работали без отдыха, и не потому, что было много официальных телеграмм, но потому, что телеграфисты передавали ходящие слухи, сообщения; что творилось в Думе, на улицах, в разных учреждениях.

Не имеющие прямого к Ставке отношения ленты, свертываясь, падали в сорные корзинки.

¹³⁴ Зершиков К. Собственный Его Величества конвой в дни революции // Часовой (Брюссель). 1938. № 210. 05.04. С. 11; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. С. 130.

¹³⁵ Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 322.

¹³⁶ Документы к «Воспоминаниям» ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 260.

¹³⁷ Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 11–12.

Следить за всем дежурный штаб-офицер, конечно, не мог, но если что представляло интерес, телеграфный чиновник спешил поделиться с ним»¹³⁸.

В. В. Шульгин также подтверждал, что связь Петрограда и Ставки существовала, а председатель Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко постоянно вел переговоры и с Могилевом, и с Псковом¹³⁹. Кроме того, посредством этой связи 2 марта было осуществлено назначение генерала Л. Г. Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа. Наличие связи подтверждает и полковник П. А. Половцов¹⁴⁰. Все это опять-таки не исключает возможности передачи намеренной дезинформации.

Генерал В. Н. Клембовский был назначен помощником начальника штаба Ставки при генерале Гурко, в отсутствие Алексеева. По свидетельству последнего, реальной работы для Клембовского в Ставке не было, чем он сильно тяготился, оказавшись промежуточной инстанцией между дежурным генералом и начальником штаба. На роль Клембовского в те дни проливает свет позднейшая дневниковая запись Алексеева с изложением событий после возвращения в Могилев: «Поляк по рождению, принявший лютеранство для поступления в академию Генер. шт., Клембовский в скрытном, сдержанном характере укрыв свои истинные чувства к русским и окружающим вообще... Клембовский был самолюбив, любил работать... Он обратился с просьбой урегулировать его положение, дать ему самостоятельную область работы, предоставить возможность проявить свое "я"... Сдержанность и скрытность Клембовского сказались вполне в дни совместной работы: он ни разу не высказался ни об общем положении нашем во второй половине февраля, ни о реформах, проведенных за время моего отсутствия из штаба. Мы ограничивались строго деловыми вопросами текущего второстепенного характера, и, быть может, присматривались друг к другу... В дни переворота мне сильно нездоровилось. Клембовский вел переписку, размеры которой возросли в эти дни до крайности. Оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта; впереди всего стала внутренне политическая сторона...

В то время, когда Лукомский, генерал-квартирмейстер, выбранный и выдвинутый тоже генералом Гурко в дни моей болезни, ярко определено

¹³⁸ Тихобразов Д.Н. Разбор «Мартовских дней 1917 г.» С. П. Мельгунова в части, касающейся «Ставки». С. 12–13 // ВАР. D.N. Tikhobrazov Collection. Вых 2.

¹³⁹ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 170.

¹⁴⁰ Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 34–35.

стал на сторону удаления от дела бывшего государя, Клембовский ни словом не выдал своего мнения, своего взгляда. С точностью машины он выполнял указания, получаемые от меня»¹⁴¹. Итак, Лукомский, по этому свидетельству, был активным сторонником отстранения императора, а Клембовский – пассивным исполнителем аналогичных распоряжений Алексеева.

Ночью 2 марта главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский с разрешения императора провел многочасовые переговоры с председателем Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко, завершившиеся уже рано утром. Среди прочего Родзянко отметил, что отправка войск на Петроград ведет к гражданской войне. На это Рузский ответил, что Николай II приказал Иванову ничего не предпринимать. Родзянко уже требовал не ответственного министерства, как прежде, а отречения императора, угрожая анархическими последствиями в столице. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Рузский не докладывал об исходе переговоров непосредственно императору, а сообщал информацию в Ставку в ожидании инструкций от Алексеева.

По свидетельству Б. Н. Сергеевского (впрочем, этот автор искажил практически все временные рамки событий 2 марта), Алексеев дважды в течение ночи приходил в аппаратную и вел длительные переговоры с Рузским¹⁴². По всей видимости, переговоры велись параллельно с разговором Рузского с Петроградом. По окончании переговоров с Родзянко Рузский отправился спать.

Д. Н. Тихобразов отмечал, что утром было получено согласие императора на ответственное министерство: «По присущему людям свойству принимать желанья за действительность, я несказанно обрадовался, лстя себя надеждой, что эта уступка уладит положение. Бегом поднялся я по лестнице, направляясь к генерал-квартирмейстеру. На полдороге встречаю я генерала Алексеева. "Ваше Высокопревосходительство, наконец-то даровано ответственное министерство". Алексеев взял из моих рук телеграмму, прочел и, возвращая ее: "Подшить к делу".

Я открыл рот. Алексеев добавил: "Опережена событиями".

---

¹⁴¹ Из дневника генерала М. В. Алексева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 51–53.

¹⁴² Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 27.

Я печально продолжал дорогу в оперативное отделение исполнить полученное приказание. Я подумал: "Значит, судьба Государя решена"...»¹⁴³

После того, как разговор с Родзянко был передан Рузским в Ставку, Алексеев потребовал срочно доложить о нем императору. Передававший в Псков это требование Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки генерал А. С. Лукомский вновь акцентировал внимание на том, что в руках мятежных войск находится Царское Село и семья императора (аналогичную той информации, которую ранее передавал генерал В. Н. Клембовский). В случае отказа от отречения недвусмысленно давалось понять, что «произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия»¹⁴⁴. Воздействие оказывалось на самое слабое место императора. Завершил беседу Лукомский повторением угрозы: «Дай бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи»¹⁴⁵. Затем Рузский встретился с императором и, обрисовав ему тяжелую обстановку в Петрограде, высказался о необходимости отречения¹⁴⁶.

Параллельно с этим в Могилеве Алексеев в 10 часов 15 минут утра в инициативном порядке разослал главнокомандующим армиями фронтов телеграмму № 1872 с пожеланием спешно поддержать его мнение о необходимости отречения императора. Пытаясь оправдать Алексеева, Д. Н. Тихобразов отметил, что телеграмма была написана генералом А. С. Лукомским и лишь подписана «слегшим отдохнуть Алексеевым»¹⁴⁷. Разумеется, подобное оправдание трудно принимать всерьез, тем более, что это был не единственный шаг Алексеева по принуждению императора отречься.

Как справедливо свидетельствовал дворцовый комендант В. Н. Воейков, «телеграммы, которые посылал главнокомандующим председатель Государственной Думы Родзянко, и сообщения генерала Алексеева свидетельстествова-

¹⁴³ Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 19 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

¹⁴⁴ Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало). С. 75.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 296.

¹⁴⁷ Тихобразов Д.Н. Личные воспоминания о генерале Михаиле Васильевиче Алексееве, начальнике штаба Верховного главнокомандующего. С. 22 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 1.

ли об их единомыслии»¹⁴⁸. Из Ставки же был получен проект манифеста об отречении, составившийся еще ночью¹⁴⁹. В подготовке манифеста по поручению Алексеева участвовали генерал А. С. Лукомский и директор дипломатической канцелярии Ставки Н. А. Базили, а Алексеев редактировал текст. При этом Ставке никто не поручал заниматься составлением подобного документа. В опросе командующих участвовал генерал В. Н. Клембовский, переговоривший с А. Е. Эвертом.

Генералы-генштабисты, стоявшие во главе фронтов (А. Е. Эверт (Западный фронт), В. В. Сахаров (Румынский фронт, помощник командующего), великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт)), поддержали Алексеева. Отстранение монарха разочарованная военная элита считала важным шагом на пути к победному завершению войны. Поддержал отречение и генерал А. А. Брусилов (Юго-Западный фронт), не относившийся к генштабистам, а вечером того же дня и командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин, ставший первой жертвой отречения буквально через день (убит в Гельсингфорсе 4 марта). Некоторые сложности возникли с генералом Сахаровым, штаб которого отключил два провода связи со Ставкой. После того, как генерал Лукомский накричал на начальника связи Ставки подполковника Сергеевского («Потрудитесь по приказанию начальника штаба каким угодно способом, но заставить этого мерзавца (Сахарова. – А. Г.) ответить!»¹⁵⁰), связь была установлена через штаб Юго-Западного фронта. В итоге Сахаров прислал несколько отличавшуюся от всех прочих телеграмму, в которой после длительной возмущенной преамбулы все же присоединился к общему мнению. Проговорка Лукомского представляется знаковой, косвенно свидетельствуя о предварительных договоренностях и ожидании от Сахарова телеграммы совершенно определенного характера.

Нарушавшее присягу коллективное мнение командующих фронтами с собственным настоянием Алексеева было передано императору телеграммой № 1878 в 14.30. Несколько ранее в тот же день (в 13.44 – 13.48) Алексеев телеграммой № 1877 от имени императора распорядился отозвать войска,

---

¹⁴⁸ Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 254.

¹⁴⁹ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 59; Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 124–125.

¹⁵⁰ Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 27. Также см.: Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 51 // ВАР. D.N. Tikhobrazov Collection. Вох 3.

направленные к Петрограду¹⁵¹. Главнокомандующие проявили удивительное единодушие, причем никто даже не усомнился в своей правомочности решать поставленный вопрос, что косвенно свидетельствует об определенной подготовительной работе. О том, что такая работа со стороны «общественных деятелей» велась, свидетельствовал со слов М. В. Алексеева и генерал А. И. Деникин¹⁵². По имеющимся данным, представители Государственной Думы вели переговоры с великим князем Николаем Николаевичем (младшим), М. В. Алексеевым, Н. В. Рузским и А. А. Брусиловым¹⁵³. Более широкие круги военной элиты (командующие армиями и т. д.), в среде которых была возможна разногласия, намеренно в события не посвящались.

Д. Н. Тихобразов вспоминал: «Я узнал, что в Думе возникла мысль о новых носителях власти: гражданской и военной. Для первой – называли кн. Львова, для второй – вел. князя Николая Николаевича.

Зная, что безвластие губительно, и что называемые имена в моем сознании вполне приемлемы как по существу, так и по неучастию в открытой борьбе за власть, я быстро поднялся наверх, в оперативное отделение, и настучал на отдельных листах две всеподданнейшие телеграммы с ходатайством о Высочайших назначениях – Львова председателем Совета министров, вел. князя – Верховным главнокомандующим, и пошел как дежурный, в кабинет генерала Алексеева, минуя генерал-квартирмейстера, во-первых, не зная его убеждений, а, во-вторых, для избежания потери времени: запрос главнокомандующих по вопросу об отречении был уже передан по прямым проводам... Алексеев не проронил ни одного слова. Протянув руку, он взял мои два телеграфных бланка и, подписав, передал мне их. Проведя их по журналу исходящих бумаг, я лично передал обе телеграммы в Псков с соблюдением положенных правил, касающихся Высочайших телеграмм»¹⁵⁴.

В связи с этим Тихобразов привел объяснение действий офицеров Ставки: «Для спокойствия фронта необходимо было переходу власти, хотя бы по виду, придать легальный характер, тем более что ставленники рево-

¹⁵¹ Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало). С. 64.

¹⁵² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 139.

¹⁵³ Оськин М. В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016. С. 87–88.

¹⁵⁴ Тихобразов Д.Н. Разбор «Мартовских дней 1917 г.» С. П. Мельгунова в части, касающейся «Ставки». С. 13-14 // VAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 2.

люции были вполне приемлемы для нас»¹⁵⁵. Эти слова можно распространить и на другие действия Ставки в тот период.

При повторной встрече с императором около 14.30 за отречение вновь высказался генерал Н. В. Рузский, а также взятые им для поддержки¹⁵⁶ генштабисты – начальник штаба фронта генерал Ю. Н. Данилов и начальник снабжения генерал С. С. Саввич.

Пять генерал-адъютантов, включая великого князя, а также еще три генерала потребовали от императора отречься от престола, что произвело колоссальное впечатление на монарха. Высший генералитет сумел внушить Николаю II мысль о том, что победа в войне возможна только в этом случае. Под давлением с разных сторон император был вынужден сделать свой выбор. Возможно, это на время уберегло его от худших последствий. В неопубликованных мемуарах подполковника Д. Н. Тихобразова содержится любопытное высказывание: «Не повлияй Алексеев на главнокомандующих и не отрекись государь “добровольно”, можно было ожидать повторения событий 1801 года, ибо дворцовый переворот был назначен на середину марта»¹⁵⁷. К сожалению, о чем именно речь, мемуарист не пояснил.

В письме супругу на следующий день Александра Федоровна назвала Рузского иудой¹⁵⁸. Как отмечал флигель-адъютант А. А. Мордвинов, «к генералу Рузскому мы (представители свиты. – А. Г.) уже давно, благодаря его прежнему начальнику штаба Бонч-Бруевичу, не чувствовали особой симпатии, а с первой же минуты нашего прибытия в Псков относились к нему с каким-то инстинктивным недоверием и большой опаской, подозревая его в желании сыграть видную роль в развертывавшихся событиях»¹⁵⁹.

К 14.45 император согласился отречься от престола, а около 15 часов подписал манифест (позднее он был переписан с указанием на передачу пре-

¹⁵⁵ Тихобразов Д.Н. Разбор «Мартовских дней 1917 г.» С. П. Мельгунова в части, касающейся «Ставки». С. 16 // VAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 2.

¹⁵⁶ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 307; Он же. Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 230; Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 195.

¹⁵⁷ Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 43 // VAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

¹⁵⁸ Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 219.

¹⁵⁹ Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 93.

стола не наследнику цесаревичу, а брату императора)¹⁶⁰. Пост Верховного главнокомандующего передавался великому князю Николаю Николаевичу (младшему). Представителям Свиты император сказал, по свидетельству дворцового коменданта В. Н. Воейкова: «Что мне оставалось делать, когда все мне изменили? Первый Николаша... Читайте»¹⁶¹. Речь шла о великом князе Николае Николаевиче.

По получении известий о том, что в Псков направляются член Государственного совета А. И. Гучков и член Государственной Думы В. В. Шульгин, император потребовал от Рузского вернуть ему телеграммы в Петроград и Могилев об отречении, но получил отказ (по другим свидетельствам, Рузский убедил императора оставить телеграммы у него при условии их неотправления до выяснения причин приезда петроградских визитеров¹⁶²). Рузский потребовал, чтобы Гучков и Шульгин по приезде сначала зашли к нему, а только затем к императору¹⁶³. Фактически он не собирался выпускать решение вопроса об отречении из-под своего контроля. Днем ранее Рузский проявил схожую активность в вопросе недопущения представителей Свиты к аппарату Юза для связи с Петроградом¹⁶⁴. Около 16 часов телеграмма о решении императора была отправлена в Ставку, а телеграмму в Петроград задержали¹⁶⁵.

В это время, насколько можно судить, М. В. Родзянко пытался в обход Ставки вызвать в Петроград генерала Л. Г. Корнилова. Кандидатура этого генерала на важнейший по обстановке момента, имевший ключевое политическое значение пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа почему-то была предложена думскими деятелями именно на пике революционных событий 2 марта. До сих пор причины этого явно не случайного кадрового решения и возможные связи Корнилова с думцами не прояснены¹⁶⁶.

¹⁶⁰ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 358, 363, 364.

¹⁶¹ Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 235.

¹⁶² Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 197.

¹⁶³ Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 94; Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 242.

¹⁶⁴ Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 232.

¹⁶⁵ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 109.

¹⁶⁶ Подробнее о некоторых обстоятельствах этого назначения и о том, как эти обстоятельства позднее искажались ветеранами Белого движения, см.: Селезнев Ф.А. Царский генерал и революционная контрэлита: обстоятельства назначения Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом (2 марта 1917 года) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2015. С. 54–68.

По свидетельству Д. Н. Тихоброва, «пока между штабом Северного фронта и Ставкой шли разговоры о приезде в Псков членов Думы, который служил задержкой к опубликованию манифеста, телеграф не бездействовал.

Телеграммы приходили с разных сторон, одни, адресованные Ставке, другие – только проходя через ее аппараты.

Увидев, что с петроградского "Бодо" несется на аппарат Юго-Западного фронта длинная депеша, я потребовал ее себе на просмотр.

Каково было мое удивление, когда я прочитал: Командиру XXV корпуса генералу Корнилову. Смотрю на подпись: Родзянко.

Содержание телеграммы меня взорвало. Во-первых, по ее содержанию.

В то время, когда Ставка всеми силами стремилась сохранить дух, спокойствие и дисциплину армии, предохранить ее от политики, председатель Государственной Думы, Родзянко, не стесняясь в выражениях, пишет на фронт о негодности старой и теперь устраненной власти (которая, кстати сказать, еще единственная легальная, и главе которой царю, все присягали и от присяги ему еще никто не освобождал), о взятии правительственных дел в руки Вр. комитетом Государственной Думы и о передаче их образованному Вр. правительству и т. д...

"Для предохранения столицы от анархии решено передать главнокомандование войсками столицы доблестному и популярному генералу, каким является его превосходительство, и Вр. комитет Гос. Думы просит его не отказать принять назначение для блага родины, и прибыть немедленно в столицу".

Затем не мог я допустить, через голову Ставки, штаба фронта и штаба армии, пока еще не признанному революционному вождю обращаться к подчиненному царю генералу.

Наконец плохой и несуразный стиль, и ненужное многословие. В то время, когда телеграфные линии набиты передачей, когда только штабы фронтов имеют "Юзы", а штабы армии с штабами корпусов работают по "Морзе", сколько времени и труда будет зря затрачено на передачу этой подтачивающей дисциплину "литературы".

Я отпустил телеграфного чиновника, сказав, что ответственность за передачу телеграммы беру я на себя.

Затем, сев за машинку, на четвертушке листа, с прокладкой, настучал: "Комкор XXV генералу Корнилову. Предлагаю вам явиться в Ставку за получением дальнейших указаний" и понес ее генерал-квартирмейстеру.

"Ваше Превосходительство, задержав телеграмму Родзянки, предлагаю на Ваше усмотрение текст, ее заменяющий" и тут же дал вышеприводимые объяснения.

"Я с вами согласен", – ответил Лукомский, прочитав петроградскую телеграмму. "Вполне достаточно по приезде Корнилова в Ставку дать ему на прочтение телеграмму Родзянки".

Я отнес телеграмму Лукомского на телеграф, а родзянковскую подшил к делу, пометив карандашом: "Не отправлена"...»¹⁶⁷ Впоследствии проводилось расследование по этому поводу, причем генерал Алексеев на вопрос о том, кто задержал телеграмму, якобы ответил: «Ее задержал Генеральный штаб»¹⁶⁸. По всей видимости, так себя и своих сотрудников идентифицировал в революционные дни сам генерал.

В 18.02 Ставка получила непосредственно телеграмму М. В. Родзянко с требованием назначить главнокомандующим Петроградским военным округом авторитетного у населения боевого генерала, каким признавался Л. Г. Корнилов. Алексеев в 18.55 направил запрос в Псков, присовокупив к нему просьбу отозвать в Могилев генерала Н. И. Иванова, назначенного на ту же должность 27 февраля. Соизволение императора было получено.

Около 22 часов в Псков прибыли А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Представители Свиты, опасавшиеся генеральского давления, сумели упредить Рузского и провели прибывших в императорский поезд. Впрочем, это уже ничего не меняло. Гучков и Шульгин получили подписанный манифест в 23.40, время подписания было оставлено прежним. При обсуждении и подписании манифеста из офицеров Генштаба присутствовали пришедшие Н. В. Рузский и Ю. Н. Данилов, хотя их присутствие не вызывалось необходимостью.

Последствий случившегося участники свержения императора не ожидали. В Ставке откровенно радовались отречению. Достаточно вспомнить последовавший за отречением Николая II диалог Алексеева и его близкого друга генерала В. Е. Борисова, изложенный последним: «Алексеев вошел ко мне в комнату и сказал: "Поздравляю Вас с конституционной монархией". Он был доволен и спокоен за будущее войны, а с нею и России. Я спросил: "Отчего не с республикой?" Алексеев ответил: "Для республики у нас нет готовых людей". Этот ответ Алексеева показывает глубину его государ-

¹⁶⁷ Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 26-29 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

¹⁶⁸ Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 13 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

ственного взгляда»¹⁶⁹. В действительности фраза продемонстрировала глубину непонимания Алексеевым последствий своих действий.

Служивший в Ставке подполковник Д. Н. Тихобразов впоследствии вспоминал о своей реакции: «Должен пояснить, почему я при всей моей верноподданнической любви к Николаю II радовался его отречению, как [и] лица по службе меня окружающие. Я искренно верил, что всех одушевлял один порыв, одно желание: напрячь все силы и довести войну до победного конца. Этим миражом обманут был и царь. Этим оптимизмом жила почти¹⁷⁰ вся Россия»¹⁷¹.

Большевик А. Г. Шляпников отмечал, что «верхи командного состава выражали явное намерение возглавить революционное движение, оседлать его, умерить и ввести в "законные рамки"»¹⁷².

Уже 3 марта Алексеев в связи с просьбами Петрограда задержать обнаружение манифеста оказался встревожен явной неискренностью сообщений Родзянко о положении столицы¹⁷³. Попытка Алексеева созвать совещание главнокомандующих, что могло привести к перехвату власти генералитетом, оказалась запоздалой и не была поддержана Рузским. Затем последовало не ожидавшееся генералитетом отречение Михаила Александровича, переговоры о котором были скрыты от генералитета. Стало ясно, что думские деятели просто использовали генералов в целях прихода к власти. В разговоре Алексеева с Брусиловым первый прямо заявил о том, что в новом правительстве «крайние элементы берут верх, и разнузданность приобретает права гражданства»¹⁷⁴, а в разговорах с сотрудниками Ставки Алексеев сожалел, что поверил в искренность некоторых людей, вследствие чего и произошли события 2 марта¹⁷⁵. И хотя манифесты об отречении еще не были опубликованы, вышеуказанные сожаления не помешали Алексееву вечером 3 марта скрыть новую телеграмму бывшего императора о передаче престола наследнику¹⁷⁶.

¹⁶⁹ Борисов В.Е. Генерал М. В. Алексеев. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в войну 1914-1915 годов (из воспоминаний генерала В. Борисова) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922. Кн. 2. С. 18.

¹⁷⁰ Подчеркнуто мемуаристом.

¹⁷¹ Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 33 // ВАР. D.N. Tikhobrazov Collection. Вых 3.

¹⁷² Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2. Март. С. 62.

¹⁷³ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 284.

¹⁷⁴ Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 33.

¹⁷⁵ Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 43 // ВАР. D.N. Tikhobrazov Collection. Вых 3; Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1. С. 213.

¹⁷⁶ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 185.

Сожалел о случившемся не один Алексеев. Генерал А. Е. Эверт, по свидетельству супруги, на следующий день сказал ей: «Знаешь, что мне пришлось сделать – нарушить присягу, обратиться к государю с просьбой отречься от престола, все главнокомандующие обратились с этой просьбой, считают, что это – единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной»¹⁷⁷»¹⁷⁸. До конца своих дней Эверт испытывал угрызения совести в связи с этим. Показательна и реакция Эверта на расстрел Николая II: «20го июля пришло известие об убийстве государя. Оно совсем подкосило мужа. Он впал в свою прежнюю задумчивость, однажды у него вырвалось восклицание: "А все-таки, чем ни оправдывайся, мы, главнокомандующие, все изменники присяге и предатели своего государя! О, если бы я только мог предвидеть несостоятельность Временного правительства и Брест-Литовский договор, я никогда бы не обратился к государю с просьбой об отречении! Нас всех ожидает та же участь и поделом!"»¹⁷⁹ 5 марта бывший император получил письмо поддержки от генерала В.И. Гурко¹⁸⁰.

Впоследствии выдающийся кавалерийский начальник, монархист, генерал, граф Ф. А. Келлер писал Алексееву 20 июля (2 августа) 1918 г. из Харькова: «Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично все же приписываю любви Вашей к России и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законного Царя»¹⁸¹.

О подготовке антимонархического заговора было известно в кругах Генерального штаба. Генерал С. А. Щепихин вспоминал в эмиграции: «Ген[ерал] Алексеев, очевидно, находился все еще в приятном для его самолюбия заблуждении, что событиями управляет он... правда, пока что в союзе с лицами, совместно с которыми, как говорили тогда, он давно уж готовится почву для радикальных изменений. Но факты скоро покажут, что и он сам, и его верные союзники-заговорщики одинаково были пешками не боль-

¹⁷⁷ Разговор с мужем передан мною, конечно, не дословно, сохранен смысл их [т.е. слов] и его манера выражаться (прим. Н.И. Эверт).

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4об.-5.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 18-18об. Также см.: Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914-1918. М., 2010. С. 49.

¹⁸⁰ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 188.

¹⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 73.

ше и настолько легковерными, что им оставалось только плыть, стремясь всеми силами удержаться на поверхности течения»¹⁸².

Ему вторит генерал Э. В. Экк: «Теперь уже не подлежит сомнению, что и начальник штаба Верховного главнокомандующего, и большинство главнокомандующих фронтами знали о намечавшемся перевороте и дали на него свое согласие. Когда же наступил самый переворот, вместо того чтобы оттаивать армию и уберечь ее от неумелых вредных посягательств, они спешили идти навстречу всем нововведениям, иногда даже расширяли их, лишь бы упрочить свое положение»¹⁸³. Далее Экк поясняет, что речь идет не только о главнокомандующих армиями фронтов, но и о командующих армиями.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-адъютант Н. В. Рузский, по свидетельству генерала М. Д. Бонч-Бруевича, «немедленно после "отречения" спорол с погон генерал-адъютантские вензеля отрешенного императора и... с этих пор жил изо дня в день, не уверенный, ни в общем, ни в своем личном положении, ожидая от завтрашнего дня каких-нибудь новых осложнений»¹⁸⁴. Генерал Алексеев, провожая бывшего императора из Могилева 8 марта 1917 г., отдал ему честь, а думским депутатам якобы поклонился, сняв головной убор¹⁸⁵. Товарищ министра путей сообщения на театре военных действий генерал В. Н. Кисляков уклонился от прощания с бывшим императором¹⁸⁶.

Показательны высказывания генерала М. В. Алексеева, а также некоторых главнокомандующих армиями фронтов на совещании с представителями Временного правительства и Петросовета 4 мая 1917 г. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал А. М. Драгомиров тогда заявил: «Ужасное слово "приверженец старого режима" выбросило из армии лучших офицеров. Мы все желали переворота, а между тем много хороших офицеров, составляющих гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала или же не умели приспособиться»¹⁸⁷. Подводя итог выступ-

¹⁸² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 229.

¹⁸³ Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014. С. 498.

¹⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 369. Картон 421. Д. 9. Л. 24.

¹⁸⁵ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 73; Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 295.

¹⁸⁶ Тихобразов Д.Н. Дни пребывания императора Николая II в Ставке после отречения. С. 57 // ВАР. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 1.

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.

лению главнокомандующих армиями фронтов, генералов А. А. Брусилова, В. И. Гурко, А. М. Драгомирова, Д. Г. Щербачева, и своему собственному, генерал М. В. Алексеев сказал, обращаясь к политикам: «Не думайте, что 5 человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренно присоединились и зовем вас к совместной работе»¹⁸⁸. Неудивительно, что в ночь со 2 на 3 марта 1917 г. Николай II сделал в своем дневнике самую известную ныне запись: «Кругом измена и трусость, и обман!»¹⁸⁹

Отречение императора было воспринято в среде офицеров Генерального штаба неоднозначно. Для основной массы генштабистов, не приближенных к власти, как и для большинства кадровых офицеров, произошедшее оказалось полной неожиданностью и серьезным ударом. Армию поставили перед свершившимся фактом. По свидетельству флотского офицера Б. В. Бьеркелунда, в те дни «состояние офицеров можно сравнить с состоянием человека, попавшего в стихийную катастрофу, разразившуюся в тот момент, когда он сам был занят мелочами своей повседневной служебной жизни»¹⁹⁰.

Как вспоминал служивший на Кавказском фронте Генштаба капитан К. З. Ахаткин, «когда же была получена телеграмма об отречении государя и отказе Михаила, ясная уверенность в завтрашнем дне пропала, еще мысль цеплялась за то, что главнокомандующим назначен Николай Николаевич. Но скоро и эта зацепка отпала. Он должен был уйти.

Начался душевный разлад. Хотелось верить, что будет лучше, но ум, но душа знали, что развал неминуем.

Пошли слухи о приказе № 1, передавалась по рукам декларация прав солдата. Масса почувствовала ослабление власти»¹⁹¹.

Не лишне отметить, что именно один из офицеров-генштабистов попытался открыто поддержать императора. Начальник штаба Гвардейского кавалерийского корпуса генерал барон А. Г. Винекен от имени командира корпуса генерала Гусейн Хана Нахичеванского отправил Николаю II телеграмму о готовности гвардейской кавалерии умереть за императора, однако его начальник не одобрил такой телеграммы¹⁹². 12 марта 1917 г. Винекен застре-

¹⁸⁸ ¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

¹⁸⁹ Дневники императора Николая II (1894-1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905-1918. Ч. 2. 1914-1918. С. 296.

¹⁹⁰ Бьеркелунд Б.В. Воспоминания. СПб. 2013. С. 56-57.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 36-36об.

¹⁹² Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 458.

лился, оставив в предсмертной записке приблизительно следующий текст: «Я поступаю так потому, что чувствую себя больше не в силах работать с пользой во время, когда это особенно нужно»¹⁹³.

Аналогичным образом поступил и генерал М. И. Гончаренко. По свидетельству близко его знавшего Ю. П. Апрелева, оставленному для своего брата, «у Гончаренко обыски следовали один за другим и, в конце концов, генерала арестовали и повезли в Государственную Думу, где, продержав некоторое время, освободили. Арест этот произвел страшное впечатление на Михаила Ивановича и, в сущности, с этих пор он начал все чаще и чаще задумываться и кончил, как тебе известно, самоубийством. Дом, где жил Гончаренко (дом Мурузи¹⁹⁴) выходил как на Преображенскую площадь, так и на Литейный проспект, и это его угловое положение, а также соседство с казармами Литовского полка, создали жизнь в этом доме совершенно невыносимую. Обыски сменялись обстрелами и наоборот...»¹⁹⁵.

Ветеран Белого движения генерал В. Н. Касаткин с горечью вспоминал: «После отречения государя в конце марта было распоряжение принести присягу Временному правительству. Я, конечно, присягнул, полагая, что государь, отрекаясь, освободил нас от присяги Ему... Но в то же время я не подумал, что я присягаю убийцам своего Царя.

Дальше больше – 4 апреля 1917 года, т.е. через 1 месяц и 2 дня после политического самоубийства царя, я на съезде солдатских депутатов в Минске как председатель союза офицеров Зап[адного] фронта горячо говорил и воздавал хвалу декабристам, т.е. бунтовщикам, замышлявшим царевубийство.

Моя речь, конечно, была встречена аплодисментами солдатскими депутатами, и только моя совесть, которая присутствовала на этом собрании, мне сказала после этого выступления: "И как тебе, Вася, не стыдно!" и не разговаривала со мной весь день»¹⁹⁶. Отречение императора оказалось ударом и для выдающегося военного ученого генерала А. Е. Снесарева. Будущий белый генерал П. П. Петров сознательно уклонился от присяги Временному правительству, воспользовавшись вызовом на телеграф для разговора с корпусами¹⁹⁷.

¹⁹³ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. С. 168.

¹⁹⁴ Речь идет о доходном доме А.Д. Мурузи. Ныне – Литейный проспект, 24.

¹⁹⁵ BAR. Iu.P. Aprelev manuscripts.

¹⁹⁶ BAR. Memoirs of V.N. Kasatkin. Folder 1.

¹⁹⁷ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М., 2011. С. 72.

Начальник штаба VII Сибирского армейского корпуса генерал-майор Ф. В. Степанов 9 марта 1917 г. в присутствии солдат заявил в столовой: «Ну что же, будем теперь называть нижних чинов на "вы", но с непременно прилагательным "с...а ваша мать"»¹⁹⁸. Записавший это очевидец, военный врач, отмечал: «О Боже, как грубы и неразвиты у нас еще и офицеры Генерального штаба! Чем они не погромщики и не провокаторы?»¹⁹⁹ Существовавшая в старой армии колоссальная социальная, имущественная, культурная и мировоззренческая разница между высокопоставленными кадровыми офицерами и солдатской массой, в условиях ломки прежних норм неизбежно становилась благодатной почвой для кровавых конфликтов. Либерально настроенный военный врач В. П. Кравков характеризовал Степанова как «представителя военной бюрократии с прогнившей совестью и затхло-вонючим миропониманием» и считал дегенератом²⁰⁰. Не удивительно, что не умевший находить общий язык с солдатами Степанов в конце августа 1917 г. был убит толпой солдат в Выборге по подозрению в сочувствии генералу Л. Г. Корнилову.

Печально известный приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа от 1 марта 1917 г. положил начало повсеместному формированию солдатских комитетов в армии и привел к утрате офицерами всякого авторитета, власти и рычагов управления солдатской массой. Был нарушен основной принцип построения любой армии – единоначалие. Кроме того, в жизнь армии была привнесена политика. Тем не менее, губительные последствия приказа стали очевидны позднее. В результате в полной мере проявились инстинкты крестьянской солдатской массы – нежелание воевать за непонятные интересы и склонность к анархизму. Вместо появления политически сознательной вооруженной силы в армии возникла анархия, братания с противником (как известно, использовавшиеся германским командованием в своих целях) и массовое дезертирство (по сути, стихийная демобилизация). Начались бесконечные митинги, выборы, заседания комитетов. Опытное кадровое офицерство было, во многом, выбито на фронте, а недавние прапорщики не могли справиться с солдатскими массами и скорее шли на поводу у них, чем пытались их обузывать. Офицеры стали подвергаться гонениям, издевательствам и насилию. Прифронтовая полоса оказалась терроризирована солдат-

---

¹⁹⁸ Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. С. 299.

¹⁹⁹ Там же. С. 300.

²⁰⁰ Там же. С. 279.

скими бандами, причем летом 1917 г. уже доходило до настоящих сражений с верными присяге войсками с применением пулеметов и артиллерии²⁰¹.

Пока же многие выпускники академии, в том числе оказавшиеся в будущем в рядах белых армий, искренне приветствовали свержение монархии. 8 марта 1917 г. новый главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал Л. Г. Корнилов (оказавшийся на этом посту по решению Гучкова, как «наиболее подходящий»²⁰² для организации защиты Временного правительства от посягательств), будущий вождь Белого движения, арестовал бывшую императрицу в Царском Селе и наградил руководителя бунта в запасном батальоне Лейб-гвардии Волынского полка – первой воинской части, перешедшей на сторону революции в Петрограде 27 февраля 1917 г., унтер-офицера Т. И. Кирпичникова боевой наградой – Георгиевским крестом (в ходе беспорядков был убит начальник учебной команды полка штабс-капитан И. С. Лашкевич). Будущий оренбургский атаман А. И. Дутов на Общеказачьем съезде 28 марта 1917 г. заявил: «Мы предъявляем иск к старому режиму»²⁰³. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютант А. Н. Куропаткин записал в дневнике 8 марта 1917 г.: «Чувствую себя помолодевшим и, ловя себя на радостном настроении, несколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу; до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавистен государь, что, взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты, и тогда страшная резня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось восстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска действующей армии; победа, глубоко уверен в том, нам обеспечена»²⁰⁴.

Некоторые генштабисты восторженно отзывались о тех политиках, которых позднее стали проклипать. Например, будущий начальник штаба Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России генерал-майор

---

²⁰¹ См., напр.: Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 599.

²⁰² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 72.

²⁰³ Труды Общеказачьего Съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде. Обработаны под редакцией И.Г. Харламова. Пг., 1917. С. 84.

²⁰⁴ Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. Т. 20. С. 61.

И. П. Романовский писал жене 27 мая 1917 г. о назначении А. Ф. Керенского военным министром: «Его назначение я приветствовал, т. к. на мой взгляд, это с наибольшим авторитетом имя и человек смелый и честный. Ну, а насколько обаяния его имени хватит для восстановления армии, сказать трудно, т. к. восстановить разрушенную громаду вряд ли возможно одним именем. Ну, будем надеяться, что Россия выйдет из ниспосланного ей испытания окрепшей»²⁰⁵. Такого рода отзывы не свидетельствуют о сколько-нибудь широком политическом кругозоре будущих белых руководителей. Отдельные офицеры даже возлагали надежды на Временное правительство. Относивший себя к конституционным монархистам полковник В. Р. Канненберг, к примеру, отмечал: «Думалось, что народные представители: промышленники, помещики и военные, вообще лучшие люди, выведут страну из тупика и доведут войну до победного конца»²⁰⁶.

Сразу после отречения ряд генералов (великий князь Николай Николаевич (младший), А. М. Драгомиров, Р. Д. Радко-Дмитриев, А. Е. Эверт, и не относившиеся к генштабистам А. А. Брусилов и В. Н. Горбатовский) выпустили воззвания к армии с призывом к спокойствию, сохранению дисциплины, неослабной борьбе с врагом²⁰⁷. «Пример Ставки, принявшей революцию, был принят по команде до самого низу», – писал большевик А. Г. Шляпников²⁰⁸.

В целом военная элита приняла Временное правительство, но выступала против практиковавшихся методов демократизации армии, арестов командного состава²⁰⁹. Генерал А. Е. Снесарев уже 11 марта 1917 г. направил военному министру А. И. Гучкову письмо с протестом против несвоевременных реформ в армии²¹⁰. В дальнейшем генштабисты приспособились к работе в «демократических» условиях. В Петрограде находились около 50 генштабистов в составе ГУГШ, Николаевской академии и других учреждений. Генерал Л. Г. Корнилов по поручению А. И. Гучкова занялся приведением в порядок петроградского гарнизона, причем ставилась задача создать гарнизон, лояльный Временному

²⁰⁵ Столыпин А. А. Дневники 1919-1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917-1920 годов. М. – Брюссель, 2011. С. 197.

²⁰⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 132 (186). Л. 155.

²⁰⁷ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2. Март. С. 62–63.

²⁰⁸ Там же. С. 61.

²⁰⁹ Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 51, 52, 57.

²¹⁰ Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М., 2014. С. 350.

правительству и способный при необходимости его защитить²¹¹. Генерал М. В. Алексеев с 11 марта стал вр.и.д. Верховного главнокомандующего²¹².

Генерал П. И. Аверьянов, полемизируя с генералом В. И. Гурко, отмечал: «Я категорически утверждаю, что за этот период времени (до 9 мая 1917 года) не было в Петрограде, как говорит В. И. Гурко, "собрания офицеров Генерального штаба, где участвовали верхи военного министерства" и где "перелицевавшиеся на революционный лад офицеры Генерального штаба пришли к заключению, что им следует всем "in cogroge" записаться в партию социал-революционеров". Вероятно, это заявление В. И. Гурко относится к событиям значительно позднейших времен...»²¹³ О настроениях петроградских генштабистов Аверьянов вспоминал: «У всех нас было грустное и подавленное настроение и больно щемило сердце, т. к. все мы, уже в течение первых двух недель после переворота, пришли к убеждению, что произошло совсем не то, что могло быть нами приветствуемо, и, что вместо действительно никуда не годного правительства времен Протопопова, Россия получила безвольное и тоже никуда не годное правительство князя Львова, попавшее в рабство к Совету рабочих депутатов, вследствие чего Россия будет быстро скользить по наклонной плоскости в бездну и что гибель ее неизбежна именно вследствие разрушительной работы всех левых партий...»²¹⁴ Тем не менее, после революции работа ГУГШ продолжалась обычным порядком, хотя документооборот возрос, а распоряжения на местах перестали выполняться.

Революция подняла на поверхность и низменные проявления, которые не были чужды офицерству. Активно себя проявили карьеристы и приспособленцы, стремившиеся улучшить свое положение, играя по новоявленным «революционным» правилам. Перекрасившиеся приспособленцы, демагоги, «ловчицы», заигрывавшие с солдатами, вызывали возмущение товарищей по службе и современников. Генерал П. Н. Врангель с раздражением вспоминал о своем товарище по академии подполковнике А. Ф. Гущине, который преподавал в академии и пришел на лекцию в один из первых революционных дней

²¹¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 72.

²¹² М. В. Родзянко в письме Г.Е. Львову от 18 марта 1917 г. протестовал против этого назначения, считая Алексеева сторонником военной диктатуры. Альтернативными кандидатами Родзянко видел А. А. Брусилова и А. А. Поливанова с придачей им в качестве помощников В.Н. Клембовского и А.С. Лукомского (Ген. Алексеев и Времен. комитет Государственной Думы // Красный архив. 1923. Т. 2. С. 284–285).

²¹³ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 156.

²¹⁴ Там же. Л. 156об.

с красным бантом, публично заявив слушателям с кафедры: «Маска снята, перед вами офицер-республиканец»²¹⁵. В дальнейшем Гуцин проявил себя как председатель исполнительного комитета Совета офицерских депутатов города Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи²¹⁶. На этом посту он занимался созывом Всероссийского съезда офицерских депутатов, военных врачей и чиновников. 14 марта 1917 г. группа офицеров от имени Совета офицерских депутатов приветствовала исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов²¹⁷.

Эсер А. А. Дикгоф-Деренталь вспоминал о Ставке в Могилеве осенью 1917 г.: «В начале моего пребывания в Ставке эсеры еще оставались в моде. Трогательно было видеть почтенных полковников Генерального штаба, с волнением сообщающих как они страдали под гнетом царского режима и как "сочувствовали всегда эсерам", чуть ли не с детских лет... В школе "доброго старого времени" воспитывались такие "верные слуги Царевы", которые могли и могут еще служить кому угодно и как угодно, лишь бы служить»²¹⁸.

Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт на солдатском митинге в правительственном здании в Минске уверял присутствующих, что всегда выступал за революцию, а когда толпа в его присутствии сорвала имперский герб со стены и начала его топтать и рубить, Эверт этому аплодировал²¹⁹. Командующий 3-й армией генерал Л. В. Леш на митинге заявил опешившим солдатам, что он сам старый революционер²²⁰. Бывший начальник Генерального штаба генерал П. И. Аверьянов, назначенный на Кавказ, по свидетельству П. Н. Шатилова, «вполне воспринял поклонение перед "великой и бескровной" и перед некоторыми революционными деятелями.

²¹⁵ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 44.

²¹⁶ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Т. 1. С. 428; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России 1905-1917. М., 1990. С. 144. Яркую характеристику Гуцина дал генерал А.С. Лукомский: «После мартовской революции 1917 года в Петербурге (так в документе. – А.Г.) нашлось несколько офицеров русского Генерального штаба, которые стали усердно работать совместно с образовавшимся советом рабочих и солдатских депутатов для развала русской армии и для "углубления" революции». Среди них особенно выделялся своей демагогической деятельностью полковник Гуцин. После захвата власти большевиками (ноябрь 1917 г.) полковник Гуцин стал одним из наиболее усердных большевистских работников» (ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 93).

²¹⁷ Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. С. 167.

²¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 297. Л. 2–3.

²¹⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 102.

²²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 232.

В частности, он преклонялся перед Керенским, искренно или нет, не знаю, и называл его "светлым юношей"²²¹. Главкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А. Е. Гутор обшил воротник, обшлага и прорезь на груди защитной рубахи широкими красными полосами, а часовые у его дома тоже щеголяли в похожей униформе²²².

Слушатель Николаевской академии штабс-капитан В. М. Цейтлин рассуждал в своем дневнике о приспособленчестве части офицерства: «Не меньшей гибкостью отличается и Генеральный штаб, достаточно вспомнить [под]полковника Гущина – председ[ателя] петроград[ского] офицер[ского] совета, но тут уже большею частью авантюризм на почве неудачного подражания Наполеону, не упустить бы момента в революции сделать карьеру: таков Верховский, Гущин, Кузнецов и прочие из свиты Керенского.

По-моему, таким все равно, устроить ли революционный переворот или подавить революцию. Что выгоднее в данный момент, и где можно вероятнее всего всплыть вверх. А политические убеждения меняются и пристегиваются по мере надобности. Возьмем Гущина. В начале Февральской революции, во время перестрелки с городскими "фараонами", когда по Суворовскому проспекту носились грузовые автомобили с солдатами, но еще не было ясно, чья возьмет – был такой случай:

В большое окно аудитории в академии попало несколько пуль. Среди нескольких слушателей, бывших в это время в аудитории, был и Гущин, который сказал приблизительно следующее: "Дать бы мне десяток надежных броневых автомобилей, и я разогнал бы всю эту сволочь..."

А через несколько дней в начале первой своей лекции после невольного перерыва занятий во время революции он сказал: "Господа, пора открыть каждому свое забрало – я социал-демократ". Аудитория замерла от неожиданности и просто чудовищности такого заявления. Гущин – и вдруг социал-демократ.

Потом этот новорожденный социал-демократ стал председателем офицерского совета петроградского гарнизона и всячески стал подлаживаться к совету раб. и солд. депутатов с целью якобы вывести из тупика офицерство, но на самом деле только заводя его в тупик.

²²¹ НИА. Vrangel family papers. Box 7. Folder 1. Шатилов П.Н. Воспоминания. С. 563.

²²² Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 475.

Делает карьеру на революции, возможно, что и выйдет в дамки»²²³.

Революционный карьеризм командного состава усугублял разложение армии. Работала на это и кадровая политика Временного правительства. Революционная армия шла к своему закономерному финалу. В какой-то степени пророческими оказались слова генерала П. М. Волкобая (не генштабиста), который еще в конце 1914 г. сказал сослуживцу, офицеру Генерального штаба: «Не немцы погубят Россию, а "он", наш солдат, нам этого не простит. Нас, офицеров, всех зарежут; будет такая революция, какой еще мир не видал! Вы не знаете нашего мужика!... Мы все погибнем в ужаснейшем бунте... России не будет!»²²⁴

***

К началу 1917 г. в части военно-политической элиты страны наблюдался определенный консенсус по вопросу о том, что император в силу своих личных качеств, родственных связей, окружения препятствует успешному завершению войны. Разумеется, не приходится говорить о полном единстве генералитета и корпуса офицеров Генерального штаба, а недовольство императором нередко оказывалось ситуативным. Генералитет беспокоили и возмущали слухи о связях императрицы с противником и о предательстве на самом верху, слухи и достоверные факты о «темных силах», концентрировавшихся вокруг трона. Альтернативой дискредитированным чиновникам считались представители «общественных сил» в лице думских деятелей. Именно их допуск к власти и устранение вредных элементов воспринимались армейским руководством как качественное изменение ситуации в государственном управлении и способ оздоровить монархию. Устранение же признававшегося вредным влияния императрицы на Николая II было возможно только при смене самого монарха.

Ход событий подстегнули февральские беспорядки в Петрограде, то обстоятельство, что царская семья оказалась на территории, по существу подконтрольной восставшим и далеко от императора, а также отъезд Николая II из Ставки. Совокупность этих факторов позволила генералам и представителям Временного комитета Государственной Думы 1 – 2 марта

---

²²³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 209–210.

²²⁴ Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 168.

1917 г. манипулировать информацией и шантажировать императора, добиваясь тех решений, которые они считали необходимыми.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в процессе смены власти ведущую роль в офицерской среде сыграли именно генштабисты. Причем происходило это не только в Ставке и фронтовых штабах, где их преимущественное присутствие являлось вполне естественным, но и в Петрограде.

Исключительную роль в отречении Николая II от престола сыграл генерал М. В. Алексеев, в значительной степени определявший вектор развития событий 2 марта 1917 г., а также его ближайшие сотрудники по Ставке. Их действия 2 марта носили скоординированный характер. До сих пор неизвестно, по какой причине достаточным основанием для смены правителя был сочтен опрос мнений главнокомандующих, проведенный М. В. Алексеевым. Опрос этот не был объективным, поскольку исходная телеграмма Алексеева содержала призыв поддержать его позицию. При этом уже утром 2 марта Ставка настаивала на отречении императора, а к навязыванию императору требований Петрограда руководящие работники Ставки перешли еще ранее. Генералы считали свои действия необходимыми для спасения страны, однако понимания последствий у участников смены власти не было.

Для участников отречения императора мартовские дни оказались чрезвычайно тяжелыми в моральном отношении, а финал событий стал неожиданным. В подготовке отречения участвовали видные в будущем деятели Белого движения (прежде всего, М. В. Алексеев и А. С. Лукомский). Впоследствии это явилось причиной умолчаний и искажений в эмигрантской мемуаристике, целый пласт которой был создан работниками Ставки разных уровней, стремившимися оградить основоположника Белого движения генерала Алексеева от каких бы то ни было подозрений. Попытки самооправдания предпринимал и генерал Н. В. Рузский, а также его начальник штаба Ю. Н. Данилов.

Петроградские генштабисты внесли свой вклад в переход столицы под контроль революционных сил, что и произошло к 1 марта. В этих целях отдавались дезорганизаторские и пораженческие приказы, под предлогом отсутствия надежных войск проявлялось пассивное потворство революционерам. Серьезную организационную помощь военной комиссии Временного комитета Государственной Думы оказала Императорская Николаевская военная академия, командировавшая в Таврический дворец 2–3 марта

1917 г. не менее 36 слушателей. Подобные распоряжения академического начальства и непосредственно будущего начальника академии (в рассматриваемый период ее правителя дел) полковника А. И. Андогского, неплохо чувствовавшего политическую конъюнктуру, до отречения императора являлись очевидным нарушением присяги.

Необходимо остановиться на вопросе, можно ли считать события февральского переворота заговором, в котором участвовали офицеры. По словарному определению заговор – это тайное соглашение о совместных действиях против кого-либо в политических целях. Под это вполне подпадает целенаправленное и организованное давление на императора 2 марта в целях отречения, включая и шантаж гибелью семьи. Подпадают под это и оставшиеся неизвестными императору переговоры Ставки с фронтовыми штабами и Петроградом о смене власти. Как заговор и мятеж квалифицируются действия петроградских офицеров (в том числе близких А. И. Гучкову), поддержавших Думу до отречения и отказавшихся, вопреки приказу императора, от зачистки Петрограда.

Совокупность известных фактов позволяет сделать вывод о том, что заговор (или заговоры, поскольку взаимодействие ряда петроградских генштабистов, руководящих работников Ставки и фронтовых штабов исследовано недостаточно) группы генералитета и старших офицеров имел место, а его результатом стало отречение императора Николая II от престола. Особо отметим, что во всех этих событиях центральную роль играли офицеры Генерального штаба.

Намного сложнее ответить на вопрос, существовал ли военный заговор до активной фазы событий, начавшейся в конце февраля 1917 г., подготавливалась ли генералами смена власти и, если да, то вылилось ли это в какие-то конкретные действия или же ограничивалось лишь крамольными разговорами. На этот счет имеются отдельные свидетельства касательно неизвестных императору контактов генералитета и представителей оппозиции. Однако о каких-то конкретных шагах говорить сложно ввиду нехватки данных. Кроме того, в силу политической неподготовленности военной элиты и очевидно недостаточной организованности после падения монархии предреволюционное единство утратилось.

Сам Гучков позднее писал: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»²²⁵. В свете этого не приходится говорить о том, что генерал М. В. Алексеев или другие генералы на протяжении 1916 – начала 1917 г. целенаправленно стремились отстранить Николая II от власти. Для осторожного Алексеева были характерны различные умонастроения, а итоговая линия 2 марта 1917 г. на устранение монарха оказалась, во многом, ситуативной и сложилась под влиянием сообщений из Петрограда.

Генералы – участники свержения императора просчитались, решив, что политические перемены не затронут армию, а также институт монархии и, наоборот, благотворно скажутся на положении фронта. Буквально на следующий день после отречения Николая II генерал Алексеев понял, что оказался обманут своими петроградскими партнерами. Но было уже поздно. Политики, как это нередко бывает, переиграли военных. Страна катилась к хаосу.

---

²²⁵ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 148.